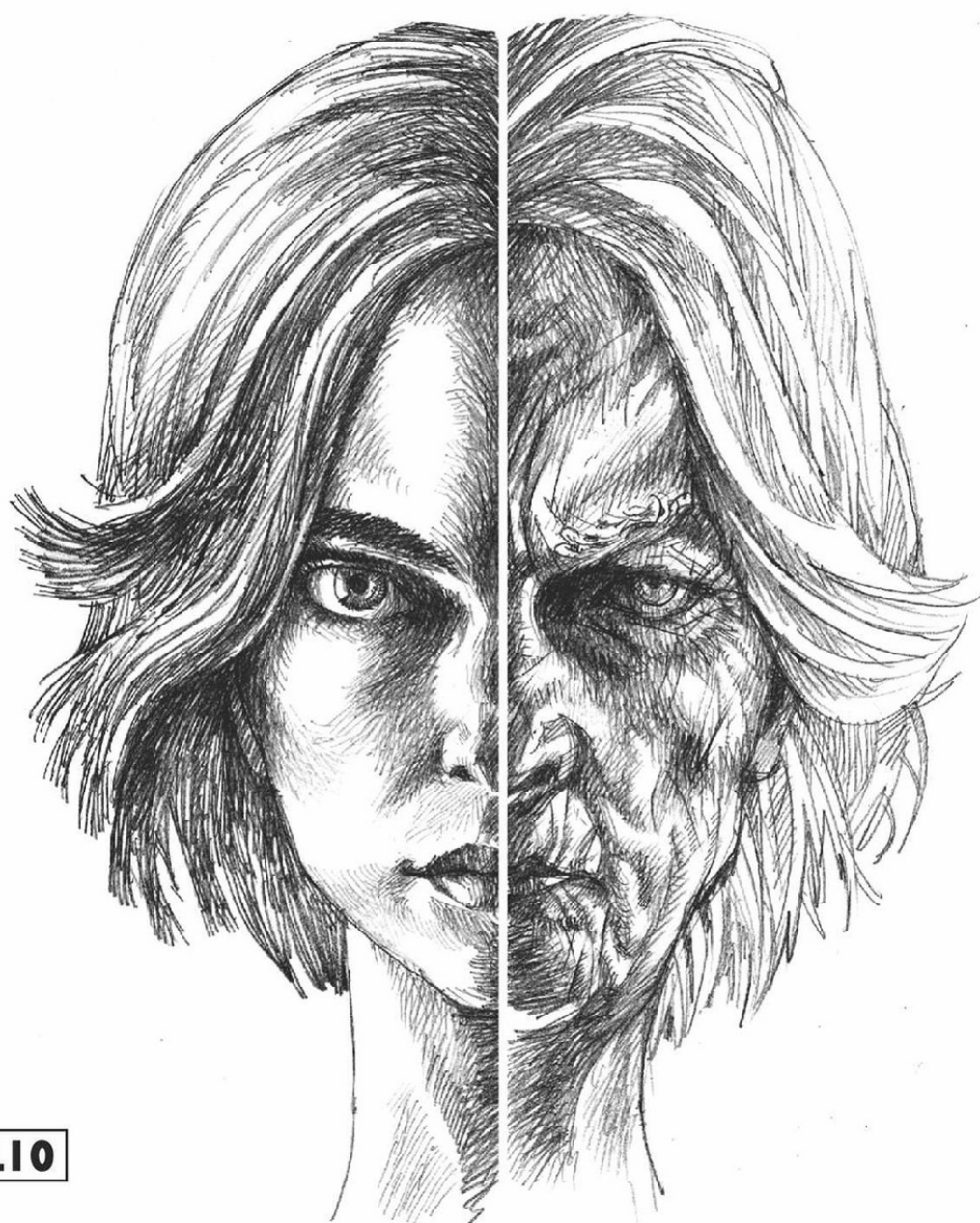

Ян ВАЛЕТОВ

ЛУЧШИЙ ВОЗРАСТ
ДЛЯ СМЕРТИ

Ян М. Валетов

Лучший возраст для смерти

«Фолио»

2017

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)

Валетов Я. М.

Лучший возраст для смерти / Я. М. Валетов — «Фолио», 2017

ISBN 978-966-03-7935-0

Ян Валетов – украинский писатель, автор остросюжетных романов и повестей, написанных в жанре триллера. В издательстве «Фолио» были опубликованы его романы «Проклятый. Евангелие от Иуды», «Ничья Земля» и «1917». Вырвавшийся из военных лабораторий вирус уничтожил всех взрослых. Планета населена подростками и детьми, ведущими кровавую борьбу за выживание. Здесь все умеют убивать, но никто не умеет любить, и мир никогда не станет прежним, если двое изгоев потерпят поражение. Ветшающие города, в которых обитают племена одичавших мальчишек и девчонок, живущих по законам обезьяньей стаи. Заросшие вереском и клевером хайвэй, на которых догнивают миллионы машин. Жалкие руины того, что считалось великой человеческой цивилизацией. История эволюции, превращенной в ничто простейшей комбинацией аминокислот. Нет прошлого, нет будущего, нет ни единого шанса на успех. Есть только двое и надежда...

УДК 821.161.2

ББК 84(4Укр)

ISBN 978-966-03-7935-0

© Валетов Я. М., 2017

© Фолио, 2017

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	31
Глава четвертая	40
Глава пятая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ян Валетов

Лучший возраст для смерти

© Я. М. Валетов, 2017

* * *

Моя особая благодарность дочери Диане – мы вместе придумали Белку и мир, в котором она живет. Жаль, что не получилось написать книгу вместе, но я думаю, что это в будущем.

Моему постоянному редактору, коллеге-писателю и доброму другу Александру Данковскому, без которого вот уже много лет не обходится ни один мой роман. Спасибо и за труд, и за понимание.

Моему старому другу, художнику Всеволоду Малиновскому, с которым мы мыслим одними образами и, наверное, видим похожие сны.

Моим первым читателям, присутствовавшим при рождении этой книги – от черновиков до окончательного варианта, я благодарен за терпение, время и мнения.

Моему отцу, Михаилу, который не любит фантастику, но в свои восемьдесят прочел рукопись одним из первых, и сказал: «Это не фантастика. Это слишком похоже на реальность».

Честно говоря, это моя первая книга, написанная в жанре чистой фантастики – надо же соответствовать званию фантаста. Кому-то она покажется чрезмерно жесткой и натуралистичной, но если бы не присутствие за плечом моей шестнадцатилетней дочки, она была бы гораздо жестче и страшней – уж больно непригляден мир, в котором живут герои. Так что за то, что вы можете купить «Лучший возраст для смерти» не запечатанным в черный целлофан на стойке для взрослых – поблагодарите именно ее.

Мне было тяжело писать историю Белки и Книжника, но это очень нужная история, особенно сегодня – надеюсь, что мой читатель поймет почему.

Всегда ваш

Автор

Книга первая Книжник

Глава первая Побег

Книжник терпеть не мог оружия.

Нет, он его уважал! Как не уважать штуку, которая может тебя убить на расстоянии? Но не любил держать в руках. И не ремонтировал, хотя мог починить почти все, что не содержало в себе маленьких электрических штучек. Обращение со всеми этими пистолетами и автоматами, на которые все челы-охотники разве что не молились, ему не давалось. Давались вещи гораздо более сложные – он мог разобрать и собрать дряхлый генератор и даже придумать, как приделать к нему велик, чтобы пыльная, полудохлая от старости лампочка замигала желтым светом, а вот автомат или винтовку старался лишней раз в руки не брать.

Но закон есть закон: каждый кид, вступивший в возраст чела, должен участвовать в охоте и войне. И никакие причины Старшими во внимание не принимались.

Герла должна рожать, готовить еду, обрабатывать землю и ухаживать за потомством и домашними животными, чел – кормить герл, бэбиков, кидов и убивать челов из других племен, чтобы они не убили членов его племени. И Книжник, несмотря на испорченное чтением зрение, хлипкое телосложение и нелюбовь к оружию, участвовал в охоте.

Ружье ему дали в соответствии с талантами – старую двустволку с треснувшим ложем и тронутыми ржавчиной стволами, заряженную патронами в выцветших пластиковых гильзах. Правда, и поставили в оцепление, а не к стрелкам, но и это не помогло...

Против настоящего невезения не попрешь!

Книжник упустил дира.

Это был здоровенный рогач, всему племени хватило бы дня на четыре, а то и больше.

Он выскочил из зарослей так быстро и неожиданно, что Книжник, вместо того чтобы стрелять в зверя с расстояния в десять шагов, отшатнулся и шлепнулся на задницу. Ружье отлетело в сторону, грянулось оземь и оглушительно выпало сразу из обоих стволов. Обрезки ржавой проволоки, которыми были набиты патроны, хлестнули по кустам, срезая листву и мелкие ветки. Дир фыркнул, Книжник мог поклясться, что презрительно, и в один прыжок ушел с тропы, нырнув в густую зелень подлеска.

Книжник с ужасом смотрел на лежащее в стороне ружье. Отвертеться точно не получится – мол, дира не видел, куда он исчез – непонятно. Теперь точно никто не поверит! Стрелял – значит видел и промазал! Он упустил зверя и наказание неминуемо. Каким оно будет, неизвестно, но зная, как Облом его любит, можно было не сомневаться, что суровым. Охотник, упустивший добычу, должен быть наказан. Это тоже закон.

Книжник зажмурился от ужаса перед неминуемой расправой, а когда открыл глаза, Облом уже нависал над ним, словно подрубленное дерево – огромный, злой и беспощадный.

Он был не один, а вместе с Ногой и Свином. Не хватало только Бегуна, а то Совет племени собрался бы в полном составе.

Облом посмотрел на полулежащего Книжника, на разряженную двустволку, потом опять на Книжника и, ослабившись, пнул его с носка. Возможно, это был не самый сильный удар, на который Облом был способен в гневе, но Книжнику хватило сполна: он отлетел в сторону и больно ударился затылком о землю.

– Ты – бесполезный кусок говна! – прокричал Облом, сорванным голосом. – Ты – ни на что не годный, бесполезный кусок говна! Червяк! Выкидыш!

Он сделал еще шаг и снова ударил Книжника, на этот раз по ребрам.

Ботинок у Облома был хоть куда – массивный, из толстой кожи, на рубчатой подошве, красавец, а не ботинок, то ли выменянный у городских, то ли снятый с убитого. Твердый как камень носок врезался в бок жертвы и Книжник задохнулся, захлопал губами, словно выловленная рыба.

– Ты прое...л дира! – выдохнул Облом с ненавистью. – Ты умеешь только драть на свои вонючие книги! Что теперь будут есть герлы и бэбики? Траченную крысами бумагу? Отвечай, безрукая тварь!

– Он выскочил внезапно! – проблеял Книжник, сам ненавидя себя за липкий страх, бурлящий внизу живота, за дрожащий голос, в котором не было ничего, положенного настоящему челу – только боль и мольба. – Я промахнулся!

Облом зарычал и врезал ему прикладом карабина, целя в грудь, но Книжник инстинктивно успел закрыться, и приклад попал ему в предплечье. Рука онемела сразу, перед глазами закружились черные мухи.

Нога и Свин, повинаясь жесту вождя, подхватили Книжника под мышки и он взлетел над землей, оглушенный и испуганный до смерти, повиснув на мучителях своим малым весом.

Ему было больше семнадцати, насколько именно, Книжник не знал. Почти столько же, сколько Облomu и другим Старшим, может, на луну или две больше, но рядом с ними он выглядел словно кид, едва разменявший восемь зим – сломанная игрушка в руках здоровенных чelов.

Ведь он был никто – книжный червь, всю свою жизнь проведший в никому не нужной Библиотеке, а они – вожди, охотники, отцы племени, добытчики. Они были суровы, как Закон, который достался им от предков, и так же безжалостны.

Он упустил оленя, лишил племя мяса и ему нечего дать Вождям взамен.

Разве что...

Книжник было открыл рот, но Облом успел раньше и от удара тыльной стороной ладони юноша умылся кровью в прямом смысле этого слова. Алая россыпь капель попала в лицо Ноге, тот от неожиданности ослабил хватку и Книжник выскользнул из их рук, выскользнул и побежал, сам от себя не ожидая такой скорости и прыти.

Сзади заулюлюкали, засвистели, затопотали, но он уже неся по тропе – весь перекобаченный от пинков, окровавленный, жалкий. Он бежал, неуклюже выкидывая ноги, едва сдерживаясь, чтобы не завизжать от ужаса, как какая-нибудь малолетняя герла. Было больно, но не разбитый нос и ушибленные ребра доставляли ему нестерпимые мучения – ему было ужасно стыдно. Стыдно, что он – умный, знающий грамоту, умеющий то, что не умеет ни один человек в Парковом племени, да что там в Парковом, во всех племенах Сити никто не понимал смысла прочитанного так, как понимал его Книжник – бежал, как крыса от диких котов, от тупых, но зато сильных придурков. Ноги сами несли его прочь и Книжник ничего не мог поделать. Он знал понятие, которое подходило к происходящему – его гнал прочь инстинкт самосохранения, но слово, которым характеризовалось его поведение, звучало куда как хуже – трусость.

Топот ног его преследователей с каждой секундой приближался – Нога, Облом и Свин слова из букв не складывали по причине незнания букв, но зато превосходно бегали и умели загонять добычу.

Книжник спиной почувствовал, что сейчас его схватят, резко свернул с тропы, проломившись через хилую поросль молодого осинника и, запнувшись о скрытый в траве пенек, полетел вперед головой по покатоному склону.

Сзади захохотали, снова раздался пронзительный свист.

Книжник проделал умопомрачительный кульбит, пытаясь удержаться на ногах, проехался физиономией по земле, кувыркнулся несколько раз, окончательно потеряв ориентацию, и тяжело рухнул во что-то мокрое, горячее, липкое, пахнущее разъятой плотью и фекалиями. Он попытался закричать, но не смог, завопил, словно полураздавленный жук, высвобождаясь из каких-то скользких жгутов, сковывающих движение и таки выскользнул.

Глаза пришлось продирать, ресницы слиплись. Неприятная жижа была даже во рту. Книжник стал на четвереньки и увидел перед собой распоротое брюхо дира, в которое он влетел при падении, спутанный клубок сине-красных кишок, из которых он выпутывался, запрокинутую голову рогатого зверя с торчащим между губ темным языком, и понял, чем полон его собственный рот.

Его вырвало – раз, другой.

Голоса преследователей внезапно смолкли.

Книжник обессиленно привалился к туше, стирая с лица густую массу из звериной крови и содержимого распоротых кишок, и увидел Вождей, стоящих в двух десятках шагов от него. Они не бежали, не пытались достать беглеца, просто замерли на месте с оружием в руках, но стволы смотрели не на жертву, а в землю.

Между Вождями и Книжником, расставив ноги на ширину плеч и явно готовый к прыжку, стоял человек в высоких ботинках и камуфляжной куртке с капюшоном, невысокий, рыжий, коротко стриженный. В ладони его правой руки был зажат устрашающего вида тесак, огромный и окровавленный. Лево́й рукой (этого Книжник сразу не заметил) он держал пистолет, ствол которого тоже смотрел в землю, но по тому, как стоял человек, как были согнуты в коленях его ноги, развернуты плечи, было понятно, что через доли секунды, если будет на то причина, прозвучит выстрел.

И этот выстрел будет точным.

Вожди молчали.

Человек молчал.

Книжник понял, что и ему не стоит открывать рта.

– Это наш дир, – сказал наконец-то Облом. – Это мы его загнали...

Человек ничего не сказал и даже не пошевелился.

Книжник смотрел на него со спины и вдруг с ужасом увидел, как из капюшона камуфляжной куртки выскользнуло что-то рыже-черное, хвостатое и быстрое. Миг – и зверек замер у человека на плече столбиком.

– Белка...

Теперь Книжник сообразил, кто стоит между ним и Вождями.

Белка.

Он не видел ее с прошлой осени.

Ее называли так за рыжий цвет волос, крупноватые зубы и страсть к лазанью по деревьям – она с такой ловкостью прыгала с ветки на ветку, что у наблюдавших невольно замирало сердце.

Потом Белка нашла разоренное воронами беличье гнездо, выкормила одного детеныша и тот не сходил с ее плеча ни днем ни ночью и даже спать укладывался в капюшон ее штопанного-перештопанного худи.

Ловкость помогала ей в играх, она предпочитала общество мальчишек, а не пресную компанию сверстниц, и мальчишки воспринимали ее нормально.

До определенного возраста воспринимали. А вот дальше...

Закон есть закон. Когда вместе с кровями она из киды стала герлой, все изменилось.

Случилась история, о которой Вожди не любили вспоминать, и Белка исчезла из племени.

Совсем.

Регулярно появляться в Парке она перестала примерно три зимы назад, после смерти Сунь-Вынь. Говорили, что у нее есть логово где-то неподалеку, но выследить ее не получилось.

После того, как Проныру нашли висящим вниз головой на старом вязе у карусели, желающих искать убежище Белки не находилось.

Вожди, тогда еще другие, смирились с тем, что она – отрезанный ломоть. Держать такую среди герлов – как играть с гранатой, а какие ублюдки могли от нее родиться, так это и самому Беспощадному неизвестно. Зачем портить уклад?

В общем, она была сама по себе, племя – само по себе и это устраивало и Белку, и Вождей.

Когда старые Вожди встретились с Беспощадным и власть над племенем получили Облом, Нога, Свин и Бегун, Белка появилась в Парке в последний раз, наверное, чтобы еще раз намекнуть: держитесь от меня подальше!

Тогда-то ее и видел Книжник.

Он помнил ее еще кидом – маленькую, угловатую, быструю как молния. Их матери, пусть о них забудет Беспощадный, жили рядом, и Книжник одно время даже дружил с Белкой.

Но это было до того, как Сухорукий научил его читать и единственными друзьями Тима стали книги. То есть очень давно, больше десяти зим назад. Книжник не был уверен, помнит ли девушка его. Особой надежды на это не было. Но, если даже и помнила, что это меняло? Ровным счетом ничего. В мире, где ребенок с первых минут познает горькую истину, что жизнь действительно коротка, детская дружба – не сильно ходовой товар.

– Слышь, Белка, – осторожно выговорил Свин, стараясь не делать лишних движений. – Ты, это... Отдай. Это ты, того...

Свин никогда не был оратором, но в этот раз он превзошел самого себя. Книжник буквально физически ощутил, что этот массивный, как матерый кабан, низкорослый парень чувствует себя не в своей тарелке. Свин, наверное, помнил, как выглядел Проныра, висящий вниз головой на дереве, и какой поганой смертью умер Сунь-Вынь, и поэтому вел себя скромно.

– Тебе не утащить всю тушу, – примирительно сказал Облом. – Бери себе кусок – любой, какой захочешь – и вали.

Белка продолжала молчать, а вот зверек на ее плече издал громкий щелкающий звук – недружелюбный, чтобы не сказать угрожающий.

– Ты же не хочешь с нами драться из-за мяса? – спросил Нога.

Белка повела плечом и зверек, сидящий на ее плече, мгновенно шмыгнул в обратно в капюшон.

Вожди напряглись. Книжник готов был поклясться, что они едва не бросились врассыпную, когда она дернула рукой с пистолетом. Вот что значит слава, идущая впереди тебя!

– Я возьму печень, – сказала Белка негромко. – И часть со спины.

– Договорились, – поспешно выпалил Облом. – А этого ты тоже на мясопустишь?

Книжник понял, что речь идет о нем.

Она пожала плечами.

– Мне он без надобности... Не люблю, когда убивают просто так.

– Он нарушил Закон, – начал было Нога.

– Сдохни сегодня! – сказала Белка, как выстрелила, ее голос металлом лязгнул в гортани. – Я плевать хотела на ваши законы. И на вас. Валите отсюда.

– Мы даем племени еду, – примиряюще возразил Облом. – Мы защищаем герл и бэбиков. Мы воспитываем кидов и делаем из них челов. Никто в Парке не выжил бы без Закона. Закон – это жизнь. Тот, кто не уважает Закон, должен умереть, иначе умрет племя. Ты же знаешь, не только у нас так... В Сити Закон еще строже. За что в нас стрелять, Белка? Мы все делаем по Закону. Это ты ушла и живешь, как хочешь.

– Сдохни сегодня, Облом, – повторила Белка. – Мне насрать, что вы там делаете со своим стадом. Отвали, если не хочешь пулю в брюхо. Вернетесь, когда я уйду.

– Иди сюда, Книжник, – позвал Нога. – А то она и тебя застрелит, и мы не сможем тебя судить...

– Но... Но она же отдает вам дира! – проямлил Книжник.

– Это должен был быть наш дир, – ухмыльнулся Облом, – а теперь она нам его отдает. Понимаешь разницу, червяк? Когда уже к тебе наконец-то придет Беспощадный, говнюк? Когда я уже перестану видеть твою мерзкую морду?

– Ты можешь остаться, – сказала Белка, не поворачиваясь.

– Не зли меня, Книжник, – Облом презрительно скривил рот. – Не беси меня! Если ты сейчас не встанешь и не пойдешь с нами, я тебя просто убью...

– Он и так тебя убьет, – негромкий голос Белки звучал совершенно ровно, без эмоций. – Он тебя убьет, потому что любит это делать. Другой причины ему не надо.

Книжник понял, что ей совершенно все равно, убьет его Облом или не убьет. Просто ей нравилось перечить Вождям. Даже спина Белки выразительно говорила о том, как она ненавидит и презирает эту троицу. Она вовсе не горела желанием защитить Книжника от расправы, зато унижить Облома с компанией было ей в радость.

Книжник поднялся на ноги.

Наступит ночь, и он вынужден будет вернуться в Парк. Он не выживет в лесу. Лес – не его стихия. Белке есть куда идти, ему же идти некуда – только в Библиотеку. У него нет другого дома и ему уже не построить ничего путного – слишком мало времени осталось до прихода Беспощадного.

– Пообещай, что не станешь избивать меня, – сказал он, вытирая с лица быстро густеющую смесь оленьей и собственной крови.

Во рту стоял кислый вкус дерьма и рвоты, болели разбитые губы, саднило бок, а на предплечье, куда угодил приклад, наливалась багровая шишка.

Книжник был не готов воевать с Вождями.

Он хотел мира, пусть ценой унижения. Он хотел вернуться в полумрак своего жилища, где по ночам шуршали старой бумагой крысы, где пахло сырыми книжными переплетами и мочой грызунов. Только там, среди тысяч чудом уцелевших, хоть и изгрызанных книг, он чувствовал себя защищенным. Там он был дома.

– Если вы оставите меня в покое, я расскажу вам о месте, где есть лекарство от Беспощадного, – сказал он, стараясь придать голосу твердость.

Свин заржал.

Весело так, задорно, демонстрируя дыру вместо правого верхнего клыка, выбитого во время Испытания.

– Ты с нами торгуешься? – спросил Облом, прищурясь. – Да ты вконец охренел, червяк. Племя решит, что с тобой делать...

Книжник сглотнул подступившую к горлу желчь.

– Племя сделает то, что ты скажешь...

– Ты ничего не купишь своим враньем, Книжник, – презрительно процедил Облом. – Нет никакого способа остановить Беспощадного. Он приходит за всеми, когда наступает срок.

– Это не так... Есть лекарство.

– Это так, – отрезал Вождь. – Нет лекарства от смерти. Заканчивай прятаться за спиной герлы. Будь хоть чуть-чуть челом, говнюк...

– Но в книгах...

– Что полезного можно найти в книгах? Там написано, как охотиться? Как выжить зимой, когда зверь уходит? Они – мусор, как и ты.

Книжник прошел мимо Белки, подумав, остановился и обернулся, чтобы посмотреть ей в глаза.

Теперь он стоял на линии огня, прикрывая своим телом всю троицу.

– Ты меня не помнишь? – спросил он.

Лицо у Белки было худым, скуластым, серые глаза смотрели колюче, недобро. Она вся казалась сплетенной из жгутов: предплечья, шея – сплошные мускулы, ни капли жира, ничего лишнего. Даже густые рыжеватопепельные косы, которые Книжник почему-то помнил лучше всего, были грубо откромсаны ножом и превращены в неровное подобие «каре».

– Помню, – сказала она сухо. – Ты – Тим.

– А я думал, ты меня не узнала...

Книжник повернулся и пошел к Вождям, приволакивая ногу.

Белка наблюдала, как Свин отвесил подошедшему Книжнику оплеуху, но не во всю силу, так – поугагать. Книжник даже не стал закрываться, пошатнулся от удара и зашагал дальше, обреченно повесив голову.

Облом отступал осторожно, спиной вперед, ни на секунду не выпуская Белку из поля зрения. Перед тем, как скрыться в кустах, он погрозил ей пальцем и быстро юркнул в зелень.

Когда фигура Облома скрылась в листве, Белка сунула пистолет в поясную кобуру и перехватила нож поудобнее. Рыжий зверек снова выскользнул из капюшона и ловко уселся у девушки на плече.

– Домой хочешь? – спросила она, нагибаясь над вспоротым брюхом дира. – погоди, скоро пойдем...

Лезвие скользнуло по шкуре и плоть разошлась под напором стали.

Одним движением Белка приподняла печень, показавшуюся в разрезе, ловко вырезала сочащийся горячей кровью кусок и выбросила его наружу. Гладкое, покрытое плотной плевой лакомство упало в траву.

Теперь предстояло вырезать из спины дира балыковую часть, ее можно завялить или закоптить на зиму. Руки девушки были покрыты кровью, рукоять разделочного ножа скользила. Белка выдрала из-под ног пучок травы и протерла ладони, а потом и нож.

Глаза ее натолкнулись на лежащий рядом с тушей странный продолговатый предмет. Это была деревянная палочка с черной сердцевинкой.

Белка с трудом вспомнила название палочки – карандаш.

Карандаш – это то, чем пишут буквы. Или рисуют. Букв Белка не знала, рисовать не умела. А может, умела, но с детства не пробовала это делать.

Карандаш мог принадлежать только одному челу – Книжнику. Тиму. Щуплому застенчивому мальчику, который тогда, несколько лет назад, не мог защитить ни себя, ни других. Он и остался таким же щуплым и беззащитным. А, значит, бесполезным.

Белка хмыкнула и положила карандаш в карман.

Ножом управляться проще и привычнее.

Зачем нужен карандаш? Разве им можно вырезать мясо из туши?

Лезвие с хрустом прошло вдоль хребта дира.

* * *

Книжник надеялся, что и на этот раз все обойдется.

В душе он понимал, что после сцены в лесу, после того, как он видел, как спасовали перед Белкой трое «непобедимых» Вождей, ему не избежать расправы. Речь шла о том, казнят его Вожди или все закончится избиением с членовредительством? Морально Тим был готов к худшему, но умирать не хотелось. Он давно научился терпеть все, кроме смерти.

Когда охотники под присмотром Ноги и Свина, приволокли в Парк тушу дира, Книжник сидел у себя на третьем этаже и смотрел в окно на площадь.

«Площадь», конечно же, было громко сказано. Когда-то, лет этак семьдесят назад, это место можно было назвать площадью. А сейчас...

За многие годы растения отвоевали у мертвой человеческой цивилизации потерянные территории. Трава заплела плитку тротуаров, разгрызла в крошку асфальт, заставила ползать бетон. Деревья разрослись, между стволами появился кустарник и нагло прущий из земли молодняк образовал редкий подлесок, с которым герлы пока еще успешно боролись.

Но площадь все же была бывшей, теперь ее можно было назвать небольшим сквером, за которым плохо ухаживают садовники.

Вокруг нее стояли здания – убежище для людей Паркового племени, в том числе и тот дом, где нашел свое пристанище и судьбу Книжник. В доме этом никто больше жить не хотел, слишком холодным и неуютным он был. Доски полов и паркет из залов и коридоров на втором этаже сожгли еще в давние времена, скорее всего, в один из первых годов после прихода Беспощадного. А вот окна оставили нетронутыми.

Это потом за домами научились следить, когда выяснилось, что строить новые не умеют. Едва хватало навыков поддерживать в пристойном состоянии уцелевшие здания, особенно если сохранялось остекление.

В первые годы в Парке случалось много пожаров. Это летом в окрестностях можно было с ума сойти от духоты, зимы же оказались сырыми, промозглыми и достаточно суровыми.

Грелись, как могли, а могли плохо, отчего и горели целыми кварталами, особенно в Городе. В Сити до сих пор кое-где стоят обугленные остовы съеденных огнем домов и высится полуосыпавшаяся горелая свечка небоскреба в Даунтауне.

Книжник видел ее развалины собственными глазами.

Год назад он в качестве пеона участвовал в набеге на Сити и вынес из этого похода, помимо страха и отвращения, большой бумажный атлас с картами автомобильных дорог.

Атлас валялся на верхней полке стеллажа на разрушенной заправке, где они пережидали ночь. Плотный кусок пластика, в который запечатали книгу, сохранил ее невредимой.

Давно не ездили автомобили.

Давно заросли дороги, по которым можно было на них передвигаться.

Давно умерли люди, которые умели делать автомобили, и сами машины превратились в кучи бесполезного ржавого хлама, а атлас все так же лежал на заправке и терпеливо ждал нового хозяина.

Притащив добычу домой, Книжник изучал его несколько недель.

Он сопоставлял карты дорог со знакомыми названиями городков, которые до сих пор можно было прочесть на облезлых дорожных указателях и, наконец, смог разобраться с их местоположением.

Страна, в которой они жили, оказалась огромной. Куда больше того, что он мог себе представить. Жилы больших дорог соединяли между собой Сити, оставляя чуть в стороне поселения поменьше. От жил во все стороны разбегались дороги потоньше, от них – еще мельче. На последних страницах Книжник обнаружил планы городов.

Атлас захватил его, как самый лучший роман, заставил окончательно проснуться уставшее от обыденности воображение. Но, увы, не убил в Книжнике наивность – он все еще полагал, что устройство Мира кому-нибудь интересно. Он сунулся к Вождям, чтобы поделиться свежим знанием с племенем, но натолкнулся на холодное брезгливое непонимание: зачем? Зачем племени знать об этом? Что это даст? Разве станет кто-то добровольно отдаляться от дома на многие мили?

Книжнику было до слез обидно, что никому не интересны ни книги, ни карты – ведь – кто бы мог подумать – Парк в атласе был удостоен отдельной четверти страницы, названия «Кидлэнд» и подробной схемы.

Развалины «Кидлэнда» начинались в нескольких сотнях ярдов за площадью. Когда-то приезжих встречали ворота, над которыми возвышались огромные цветные буквы. Сейчас не было ни ворот, ни букв – сохранилась лишь металлическая основа конструкции, рыжая от мно-

голетней ржавчины, но все еще сохранявшая полукруглую форму. Летом ржавая арка зарастала нахальным плющом и выглядела нарядно, зимой же торчала, как обглоданное ребро, обвитое колючей проволокой сухого стебля.

Возле бывшего входа, на круглой клумбе, теперь сжигали жертв Беспощадного – это был обычай, его исполняли, потому что так велел Закон. Все понимали, что никакой опасности заразиться давно нет, что Беспощадный рано или поздно придет к каждому из них, но по Закону всех, кто встретил Беспощадного, надо сжечь. А с Законом не поспоришь!

Справа от центральной аллеи расположилось кладбище для тех, кто умер сам по себе: от ран, болезней, в междоусобице или в битвах. Оно очень разрослось за последние десять лет и уже давно выплеснулось за пределы потерявших форму газонов.

А Парк, раскинувшийся на огромной площади, давно из Парка стал лесом.

Аттракционы рухнули и сгнили. Те же, что чудом устояли, напоминали огромные скелеты доисторических существ, покрытые ржавчиной и коростой облупившейся краски, обвитые все той же зеленой сетью плюща и вьюнков. Парк был знаком Книжнику с детства – здесь они играли, когда были бэбиками и кидами, так что он до сих пор помнил, где можно по неосторожности упасть в открытый колодец, где свернуть себе шею, споткнувшись о скрытые в густой траве рельсы.

А настоящий лес начинался за пределами парка аттракционов, и его Книжник боялся и не любил. Дом для него был здесь, среди старых стеллажей, заставленных книгами, а самой лучшей постелью на свете – древний, пропахший сыростью и мышиным пометом матрас, лежащий в углу.

Дверь Библиотеки с грохотом распахнулась, пропуская злого, как бешеный вольфодог, Облома. За ним со злорадной улыбкой на лице шагал Бегун. Он был самый мелкий и самый жестокий из Вождей – сухой, быстрый, с неприятным острым личиком и кривыми зубами.

– Вставай, червяк, – приказал Облом, и не дожидаясь, пока Книжник встанет, сорвал его с подоконника своей лапищей. – Дуй вниз, племя ждет тебя, урод!

Книжник открыл было рот – взмолиться, но натолкнулся взглядом на холодные глаза Бегуна и промолчал.

Внизу на площади, возле окровавленной туши дира, действительно собрались челы и герлы с бэбиками, далеко не все собрались, но это ничего не решало.

Облом ткнул Книжника в спину и тот едва не упал.

– Смотрите, люди Парка! – крикнул Бегун своим дребезжащим фальцетом. – Этот червяк Книжник сегодня упустил дира. Это его вина.

Книжник стоял, опустив голову, и слышал, как гудят возмущенные голоса.

– Охотники успели ранить дира, – продолжал Бегун, – но он вырвался и убежал...

– Мы нашли зверя ободранным, – вступил Облом. – Кто-то вырезал из туши лучшие куски и теперь вы не сможете съесть их. Кое-кто из вас останется голодным из-за этого криво-рукого куска дерьма!

– Он зря ест наше мясо, – Бегун неодобрительно покачал головой. – Он не исполняет Закон...

Толпа загудела.

«А ведь я никому из них не сделал ничего плохого, – подумал Книжник, не поднимая глаз. – Я помогал им. Я мог помочь там, где быстрые ноги и дубина ничего не решали...»

– Что гласит Закон? – спросил Облом, возвысив голос, чтобы его услышали все собравшиеся. – Закон гласит: чел, который не может охотиться, не должен есть. Тот, кто не приносит племени пользу, не должен жить...

«Убьют», понял Книжник, но не побежал, не попытался спрятаться, а только вздохнул обреченно и втянул голову в плечи.

– Что нам делать с этой бесполезной книжной молью? Убить?

В толпе забубнили, визгливый голос герлы разрезал шум: «Убить! Убить!» У Тима ноги стали мягкими в коленях, словно из них вынули кости...

– Тихо! – крикнул Бегун. – Слушайте решение Вождей! Этот чел долго жил среди нас и мы не станем его убивать. Пусть это сделает Беспощадный в свое время. Но мы не будем его кормить! Мы прогоним его!

– Да! Да! – закричала толпа, и поглядев на нее, Книжник увидел перед собой ухмыляющуюся рожу Ноги, руководившего возмущением.

Нога подмигнул – он предвкушал расправу.

– Пусть валит отсюда! Пусть уе...вает!

Книжник почувствовал руку Облома на своем загривке и его, словно щенка, за шиворот потащили сквозь толпу орущих соплеменников, совершенно чужих ему, хоть и знакомых с самого детства.

На него посыпались удары – сильно не били, не потому, что не хотели, просто пришли без палок, но все равно было больно и так унижительно, что Книжник едва не завыл от обиды.

Облом и Нога тащили Книжника к ораде, а толпа катилась следом. Не соплеменники, а именно безлика толпа – ноги, сиськи, кулаки, ощеренные рты, оружие бэбики и радостные киды, бегущие рядом и швыряющие в Тима чем попало. Одна из брошенных веток угодила в плечо Ноге, и он заматерился, пытаясь пнуть обидчика, и киды бросились врассыпную с хохотом и визгом.

Книжник перестал сопротивляться – только перебирал ногами. С этих двоих сталось бы переломать ему кости на прощание. Обездвиженный, он вряд ли доживет до утра. Лес безжалостен, он не любит слабаков.

Последнюю мысль Тим додумывал уже в воздухе. Облом метнул его, как камень, вышвыривая из Парка, из племени и из жизни одновременно.

Книжник рухнул на землю, больно ушиб бедро, но тут же встал, пошатываясь.

Племя смотрело на него из-за спин Вождей, киды продолжали паясничать, герлы плевали в его сторону, челы делали неприличные жесты.

Потом Облом поднял руку и все замолкли.

– Ты больше не наша плоть и кровь... – проговорил он формулу изгнания. – Ты – не из нашего Племени. Ты – чужак. Каждый может убить тебя, если увидит в Парке, и он не будет наказан. Ты больше не ешь с нами. Ты больше не пьешь с нами. Твой дом не здесь. Уходи прочь и сдохни первым!

Книжник хотел вернуть Облomu проклятье, но голос ему не подчинился, и он лишь что-то пролаял – так кашляет рассерженная лиса.

Нога в ответ показал ему средний палец, заржал и скрылся в толпе. За ним последовал Облом и в течение нескольких минут у разрушенной орады уже никого не было.

Тим остался один.

Он был безоружен, хотя при его талантах оружие, скорее, годилось для самоуспокоения, легко одет, лишен элементарного и, что самое главное – там, за забором, остались его книги, которые теперь вовсе не его.

Солнце падало за зеленую стену леса, надвигалась ночь – скоро Парковое племя зайдет в дома, чтобы спать в безопасности и тепле. Каждый найдет себе нору – и люди, и звери. А ему надо будет пережить часы темноты в чаще, которая пугала до смерти. Без надежды на спасение и убежище.

Тим сделал шаг, другой, ноги его подкосились, он уселся в густую, уже чуть пожелтевшую траву и заплакал, словно бэбик.

Слезы прожигали дорожки в грязи на его щеках, Книжник их не утирал.

– Сдохни первым! – крикнул он в сторону Парка. – Сдохни первым, тварь!

На этот раз голос прорезался, но тот, кого он проклял, не слышал этого. Тим в бешенстве заколотил кулаками по земле, сдирая костяшки.

– Ненавижу! Ненавижу!

– Кончай орать!

Голос раздался прямо за его спиной, буквально над ухом, и Книжник, похолодев, рухнул на бок, пытаясь нащупать хоть какой-нибудь сук, но подходящего под рукой не оказалось.

Тим, вывернув шею, все-таки рассмотрел говорящего.

Белка, наверное, прыгнула с дерева, рядом с которым Книжника бросили Облом с Ногой. Совершенно бесшумно – ни единого звука, даже ветка не хрустнула, пока она не возникла у Тима за спиной. Привидение, Беспощадный ее заberi!

Она была одета так же, как утром, только без куртки – рваные и зашитые кое-как джинсы, черный худи, хорошие высокие ботинки на рубчатой подошве, пистолет в открытой кобуре на поясе и уже знакомый Книжнику нож в чехле на бедре.

И еще на плече у нее так же, как утром, сидел и смотрел недоброжелательно рыжий грызун. Единственным отличием в экипировке был короткий автомат на брезентовом ремне – видно, что ухоженный, почти новый.

– Успокоился? – спросила она без тени дружелюбия в голосе. – Зашибись. Тебе меня бояться не надо. Тебе их бояться надо.

– Что тебе надо, Белка?

– Я пришла с тобой поговорить...

– Со мной? – выдавил из себя Книжник. – О чем?

– Я хочу услышать, как обмануть Беспощадного, – сказала Белка, внимательно глядя Книжнику в глаза. – Если ты не наврал и его действительно можно обмануть...

Глава вторая

Кража

Всякое представление о том, где они находятся, Книжник потерял уже на пятой минуте пути. Вроде, далеко уйти за такое короткое время было невозможно, и некоторые места казались ему знакомыми, но Белка меняла тропу, и Тим снова ничего не узнавал.

Один раз они прошли под старым железнодорожным полотном – тут лежала бетонная труба, такая огромная, что можно было даже головы не нагибать. Под ногами заплескалась вода, пахло неожиданно хорошо – не плесенью, а свежей речной зеленью, но никакой реки тут не было – Книжник мог голову дать на отсечение.

Ближайший ручей, где кидам поручалось ловить юрких и жирных усачей, находится в миле от Парка, за песками и Большой каруселью.

Еще вода была в Банке, но пахла она иначе, старым болотом: за зиму и весну туда стекало несколько тонн, в июле вода зацветала пышной салатовой пеной, и только к ноябрю, когда с утра Банка начинала покрываться тонкой коркой льда, окончательно очищалась.

И еще рядом были Болота, где тоже можно было найти воду, но туда в добром здравии никто не лез, да и пахло оттуда так, что хоть беги и прячься...

Болота считались местом гиблым, туда никто из племени не ходил – боялись до поноса! А чего боялись, никто толком объяснить не мог. Говорили – мертвых. Но мертвые – они мертвые и есть. Чего их бояться? Что они могут сделать живому? Сказки для бэбиков, чтобы к Болотам на бегали, не тонули.

Но вот незадача...

По ночам (и это не росказни, Книжник, предпочитавший ночные бдения, сам не раз слышал!) над сочными болотными травами раздавалось леденящее кровь уханье, и это точно кричали не оулы.

А еще...

Кто-то ночами ворочался в бурой вонючей жиже, и бродили между облезлыми, вечно мокрыми стволами странные тусклые огоньки, внезапно вспыхивающие зеленым. К мертвецам это отношения не имело, но пугало страшно.

Белка шагала впереди, практически не оглядываясь на Книжника, и ему приходилось подстраиваться под ее темп, а это оказалось непросто.

Тим ходить по лесу не умел, не только бесшумно – вообще не умел, и уже через четверть часа пыхтел, словно висящий над костром чайник.

– Еще далеко? – прохрипел он, размазывая по лбу горячий пот.

Белка глянула на него через плечо и покачала головой.

Ее прирученный зверек уже не восседал в капюшоне худы, а бодро прыгал по деревьям с разных сторон тропы, то ли охраняя хозяйку, то ли высматривая дорогу.

Оказалось, действительно недалеко, но к моменту, когда Белка скользнула вовнутрь густо заросшей плющом металлической конструкции, перед глазами Тима уже кружились черные точки.

За плотной завесой листьев сгустился сумрак и было холодно.

– Стоять! – приказала Белка, не повышая голоса.

Тим замер, вытирая обильно выступивший на лице пот.

Девушка опустила на одно колено, протянула вперед руку, словно что-то нащупывая, и Книжник догадался, что она снимает растяжку.

– Ты здесь живешь? – спросил он.

Белка, не оглядываясь, покачала головой.

– Теперь проходи.

Тим бочком просочился мимо нее.

– Шагай прямо.

Теперь Книжник шел первым и внимательно глядел себе под ноги.

– Налево, – приказала Белка.

Он повернул.

– Пришли.

Скорее всего, она хранила здесь кое-какие запасы – мятый металлический бидон, несколько ящиков не пойми с чем.

– Садись.

Два раза повторять не пришлось – Тим буквально рухнул на землю.

– Спасибо.

Девушка пожала плечами.

– Пить будешь?

– Да.

За ящиками оказалась спрятана кружка, от воды из бидона заломило зубы, но Книжник жадно выхлебал половину.

– Держи.

Угощение было так себе: лепешка из каких-то семян и грубой муки, твердая как подошва и совершенно пресная, но выбирать не приходилось. Тим откусил кусок и с трудом прожевал, запивая.

Белка сидела на ящиках напротив, положив автомат рядом, и внимательно рассматривала гостя.

– Обратно тебя не возьмут, – сказала она наконец.

– Знаю...

– В лесу тебе не выжить.

Тим постарался изобразить улыбку, но она получилась кривой.

– Это тоже не новость.

– Почему они тебя не любят?

На этот раз пожал плечами Книжник.

– Я не охотник.

– Этого недостаточно.

– Я бесполезен для племени.

– Звучит понятнее, – совершенно без улыбки произнесла Белка. – Странно, что ты продержался так долго.

– Я старался.

– И никто не поднял за тебя голос?

– У меня нет друзей.

– Кроме книг? – спросила Белка.

– Кроме книг.

– Единственная польза от книг – ими можно топить, когда холодно, – сказала она с той же ледяной серьезностью.

В полумраке Книжник не очень хорошо видел ее лицо, но был уверен, что на нем нет дружелюбного выражения.

– Но ты же хочешь обмануть Беспощадного?

– Да.

– Тогда нам понадобятся книги.

– Все? – спросила она.

– Нет. Всего две. Но без них мы можем не начинать.

– Они с тобой?

Книжник вздохнул.

– Они остались в Библиотеке.

– Это плохо...

– Да, – согласился Книжник. – Это очень плохо. Но без атласа и дневника мы никуда не дойдем.

– Что такое атлас?

– Это карта.

– Еще раз...

– Это книга, по которой можно узнать, куда идти. Там нарисованы реки, дороги, города...

– Как все сейчас? Или как все было до Беспощадного?

– Конечно же «до»!

– Полезная книга, – сказала Белка, чуть помолчав.

– Реки остались там же, – возразил Книжник. – Дороги тоже. И города на месте.

– Хорошо, – согласилась она. – Наверное, это поможет. А что такое дневник?

– Дневник? – переспросил Книжник и задумался. – Это такая книга... Ее человек пишет о себе. Что с ним произошло, что он видел, с кем говорил, что делал, куда ходил?

– Каждый день?

– Нет, не каждый. Когда что-то случается... Например... – Тим вздохнул, – я сегодня не попал в дира и за это Вожди выгнали меня из племени. Я уже думал, что умру сегодня в одиночестве, но моя старая знакомая Белка спасла меня от ночных ужасов и даже накормила...

Белка фыркнула.

– И это кому-то интересно?

– Раньше люди читали книги.

– Мир, в котором люди читали книги, умер, Книжник.

– Он умрет, когда мы перестанем читать. Пока мы только перестали писать, но это еще не конец...

– И ты пытался объяснить это Ноге? – спросила Белка. – Тогда понятно, почему он тебя не любит... Хорошо... Чем нам поможет этот дневник?

– Он поможет нам найти место, где родился Беспощадный.

– Беспощадный – не человек, – произнесла Белка, четко отделяя слово от слова. – Беспощадный не мог родиться и не может умереть. Беспощадный съедает нашу жизнь, но он не живой. Не говори глупости, Книжник.

– И все-таки он родился, хоть и не так, как человек, – пояснил Тим терпеливо. – Этот дневник... Понимаешь... Я знаю, в это трудно поверить, но... Как бы объяснить так, чтобы ты поверила?

– Попробуй просто сказать правду.

– Хорошо. Это дневник девочки, отец которой создал Беспощадного... Дочери человека, который убил старый мир.

Он замолчал, глядя на Белку.

Глаза Тима уже привыкли к полумраку, и он разглядел, как из капюшона ее худи за ним наблюдает ручная белка – сверкали черные блестящие бусинки. Лицо ее хозяйки почти ничего не выражало.

– И там написано, что Беспощадного можно обмануть?

– Беспощадный – это болезнь. От нее есть лекарство. Если мы правильно прочтем дневник, то сможем попробовать найти его, но для этого мы должны вернуться в Парк и забрать все, что нужно, из Библиотеки.

– Ночью, – сказала Белка.

– Что ночью? – переспросил Тим.

– Мы вернемся в Парк ночью, Книжник. Пока ты можешь вздремнуть.

– Ты мне поверила? – Тим заулыбался дурацкой счастливой улыбкой, глаза смешно сощурились. Вылитый чайна-бэбик, что иногда рождались в Парковом племени – плосколицые и узкоглазые. Если они не начинали говорить к двум годам, то по закону племени их полагалось убить, но нынешние вожди решили не ждать два года: как только шаман подтверждал дефект, чайна-бэбик исчезал бесследно. – Ты серьезно мне поверила?

Белка двигалась стремительно: миг – и перед носом Книжника оказалась ее правая рука с рисками годовых отметок на предплечье.

Лицо Белки приблизилось вплотную к его лицу.

– Даже если я не верю ни одному твоему слову... Ты же умеешь считать? Так?

– Да.

– Сколько лет у меня на руке?

Кожа у Белки была как у всех рыжих – светлая, с россыпью бледных веснушек. На предплечье красовались синие линии татуировок – шаман, исполняя свою священную обязанность, отмечал каждый прожитый год новой полоской. Последние три отличались и цветом и формой – она сама выцарапывала метки. Делала разрез и мазала его краской.

– Семнадцать, – прошептал Тим.

– Верю я в твою историю или не верю, – повторила Белка, – но это ничего не меняет. Беспощадный может прийти за мной в любой момент. Сегодня, завтра... А, может, он уже пришел вчера, только я пока этого не ощутила? Так почему бы не попробовать? Что я теряю? Так я наверняка умру, а так – попробую выжить.

Книжник молча потянул вверх рукав, демонстрируя синие полосы, разукрашивающие его правую руку.

– Их семнадцать, – пояснил он. – Так что мы с тобой в одинаковом положении. Надеюсь, что я родился зимой.

* * *

Над Парком висела шербатая красноватая луна. Ветер дул со стороны Болот, и в воздухе витал едва заметный запах сырости, смешанный со сладковатым духом тлена – одновременно свежий и гниlostный, как будто кусок тухловатого мяса попытались сдобрить дикой мятой.

Библиотека была буквально в двух шагах. Лунный свет позволял не слишком зоркому Книжнику рассмотреть даже трещины на дверном полотне, но для того, чтобы оказаться у входа, нужно было пересечь открытое пространство, а Белка не позволила ему этого сделать.

Почти четверть часа они пролежали в густом подлеске, вплотную подступившем к домам. Лес был полон шорохов. Несколько раз за разваленной оградой «Кидлэнда» пробежал кто-то крупный – слышно было, как он продирается через густые заросли. Кто это был – дир или молодой элк, разобрать не получилось, но не пиг-отец, это точно. Спустя некоторое время, за звенением, тихонько потявкывая, протрусил стая вольфодогов. В кронах деревьев засвистели-зацокали разбуженные беготней ночные птицы, потом заохали оулы и все стихло на несколько секунд, чтобы снова начаться с новой силой, как только издали раздался жалобный вой идущего по следу вольфодога.

Белка слушала ночь внимательно, чуть наклоняя свою рыжую голову, и несколько раз прикинула к монокуляру, но направляла его не на Библиотеку, а на спальный дом напротив – рассматривала окна. Потом покачала головой и жестом показала, что Библиотеку надо обойти с другой стороны. Книжник молча кивнул и последовал за девушкой, стараясь не шуметь.

Хотел бы Тим уметь ходить, как она, бесшумно проскальзывая из тени в тень, но его перебежки были неуклюжи, хотя он очень старался.

За Библиотекой царил почти беспроглядная тьма – лунный свет путался в густых кронах деревьев, а туда, куда стена здания бросала тень, и вовсе не попадало и лучика.

Именно в этом месте Белка остановилась и показала рукой вверх и за спину. Книжник присмотрелся и разглядел уходящий вверх скелет пожарной лестницы, ржавый и перекошенный, в некоторых особо гнилых местах висящий отдельно от стены. Тим затряс головой, открыл было рот, но Белка молниеносным движением коснулась его губ указательным пальцем правой руки – молчи.

Книжник подумал, что в таком птичьем гвалте можно разговаривать в полный голос и никто тебя не услышит, но рот на всякий случай закрыл. Плавным движением девушка забросила автомат себе за спину и вынула из капюшона ручного зверька. Белочка громко зацокала, распушила хвост, ее хозяйка подняла грызуна вверх и тот прыгнул с ладони на стену, запрыгал по ней с легкостью порхающей птицы, в мгновение ока достиг нижней ступени лестницы, сиганул через нее и в течение секунды уже сидел на руке Белки.

Зверушка несла шнурок, сообразил Книжник, ведь просто так до последней ступени лестницы не достать – и оказался прав! Пока белочка забиралась в капюшон, ее хозяйка с помощью тонкого шнура перекинула через нижнюю поперечину прочный капроновый канатик и, оттолкнувшись от слоя прелой листвы, взлетела на лестницу. Книжник заметушился вниз, словно испугавшись, что Белка бросит его, но девушка свесилась вниз, протягивая Тиму руку.

Сильные пальцы охватили кисть Книжника и он, не успев охнуть, оказался рядом с Белкой, на высоте двух с лишним метров над землей.

«Вверх», показала девушка жестом. Лестница лишь чуть заметно задрожала, когда Белка оказалась еще на этаж выше, так легки были ее движения, несмотря на автомат за спиной. Тим попытался подняться сам, но сразу же заскрежетало железо и все шаткое полотно начало отделяться от стены. Одна рука Книжника повисла в воздухе, хватая пальцами пустоту, вторая – намертво вцепилась в ржавый металл. Книжник сдержал крик, хотя это стоило ему усилий, и закрыл глаза, чтобы не видеть приближающуюся землю.

Но он не рухнул вниз. Его сильно дернули за воротник куртки и, словно тряпичную куклу, забросили на перекошенную пожарную площадку второго этажа. Тим больно ударился носом о ржавое железо настила, и соображение к нему вернулось.

Он поднял голову и увидел Белку, замершую возле окна, забитого пластиковыми листами. Книжник знал это окно – оно выходило на лес и внутренний двор здания из коридора второго этажа. Библиотека располагалась в крыле напротив. Белка посмотрела на него вопросительно и Книжник кивнул: здесь!

Девушка снова прислушалась, на этот раз к тому, что происходило внутри дома, а потом, сильно надавив ногой на пластиковый щит, оторвала нижнюю часть листа от рамы и буквально просочилась вовнутрь.

Книжник остановился, понимая, что такой трюк ему не проделать – не из-за грандиозной комплекции, а из-за неумения так управлять своим телом. Но он опасался зря – через пару секунд щит дрогнул и исчез, открывая темный проем. Тим шмыгнул в образовавшийся вход, ловко, как ему казалось, приземлился на бетонный неровный пол. Белка за его спиной установила щит обратно. Стало еще темнее. Книжник ничего не видел и даже не слышал дыхания Белки. Голоса леса за стенами стали едва различимы, а здание тоже жило своей жизнью, но к его звукам надо было привыкнуть.

Они двигались по широкому коридору от тени к тени. Книжник, который за свои десять лет жизни в Библиотеке тысячи раз бродил по этому шерботому полу ночами и знал тут каждую впадинку, шел вторым и не возражал. Быть ведомым оказалось спокойнее и приятнее. В конце концов, Белка вооружена, а он идет за книгами с голыми руками – у каждого своя работа. Словно услышав его мысли, девушка приостановилась и сунула Тиму в руки свой нож, а потом показала жестом, чтобы он шел вперед. Возле окна Белка заставила его пригнуться и осторожно поглядеть через низкий подоконник на стоящее напротив здание. Глаза привыкли не сразу, но Книжник достаточно быстро разглядел причину, из-за которой им пришлось проникать в

Библиотеку кружным путем. В окне второго этажа в доме на противоположной стороне улицы в свете луны блеснула сталь стволов. Не абы что, но двое с охотничьими ружьями смотрели за подъездом, и было понятно, чьего возвращения стрелки ждут.

– По твою душу... – пояснила Белка, едва шевеля губами. – Ты найдешь книги в темноте?

– Постараюсь...

– Они знали, что ты вернешься.

– Догадывались.

– Ты говорил кому-то о книгах?

– Говорил. Но не то, что тебе.

Дверь в Библиотеку была заколочена. Не закрыта на замок, с которым Книжник легко бы справился, а забита досками, крест-накрест. Белка попробовала отодрать одну из досок, но прибавали на совесть – не отодрать.

– Что дальше? – спросила она.

Книжник понурил голову и пожал плечами.

– Не знаю... Разве что каминный ход... Если сможем протиснуться.

– Через крышу?

– Да.

Люк на чердак никто не закрыл и они легко проникли вовнутрь.

Под ногами шуршал мусор, пахло пылью и мышинной мочой. Огромные пачки старых книг, документов, чертежей, коробки от какой-то техники, пенопластовые демпферы громоздились в пачки у стен...

– Сюда...

Книжник вслед за Белкой выбрался на крышу – ржавую, латанную-перелатанную, состоящую из кусков железа разного цвета и степени гнилости – и, пригибаясь, добежал до массивной каминной трубы.

– Какая ширина трубы?

– Не знаю. Больше метра.

– А потолки высокие?

– Да.

– Понятно. Я опущу тебя туда на веревке, – сказала Белка. – Сама буду ждать здесь. Находишь книги, возвращаешься в камин, дергаешь веревку так: два, один, один, три.

– Я? Сам?

– Я не знаю, где лежат книги, – пояснила девушка. – Кто-то должен оставаться снаружи, чтобы опустить и потом поднять другого. Подумай, иначе не получится.

– А если меня убьют?

Белка пожала плечами.

– Постарайся сделать все так, чтобы не убили.

* * *

Каминная труба оказалась уже и грязней, чем представлялось Книжнику. Он пользовался камином холодными зимними ночами. Спать приходилось одному – это в Спальне можно обогреться теплом друг друга. Здесь же, в Библиотеке, приходилось разжигать живой огонь и поддерживать его до утра.

Тим спускался на веревке в черное закопченное жерло, покрываясь жирной сажой с головы до пят. Спуск показался ему бесконечным, последние метры он буквально продавливал себя между скользкими наростами, и едва не застонал от облегчения, наконец оказавшись в самом низу.

Стараясь не топать, Книжник выбрался из камина и тут же чихнул, едва успев зажать себе нос и рот испачканной ладонью. Сдавленный чих прозвучал в Библиотеке, как отдаленный раскат грома.

Книжник с перепугу присел и прислушался – вроде никого. Тут он мог и осмотреться.

Свет лился в библиотечный зал через многочисленные окна, далеко не все были забиты чем попало, некоторые оставались целыми со дня прихода Беспощадного и могли прослужить еще лет сто.

Из столов, за которыми читали посетители Библиотеки, Книжник сохранил всего один. Один стол, одно кресло и два стула. Остальное сгорело в топке камина и в самодельных печках по всем домам, где жило Парковое племя. Зимы случались долгие, заготовленных дров не всегда хватало до первого тепла, и соплеменники Книжника с удовольствием жгли библиотечную мебель, чтобы не идти в холодный и сырой лес за топливом.

И книги жгли.

Книги были для племени мусором, материалом для растопки и подтиркой для задницы – не более. Книжник каждую неделю обходил подращенных кидов с предложением научить читать, показывал картинки, пытался рассказать какую-нибудь интересную историю, но ни они, ни, понятно, тины учиться не желали и всякими бреднями не интересовались.

Стрелять, охотиться, драться, свежевать туши, коптить мясо, брюхатить герл и – как вершина – стать одним из Вождей: жрать от пуза, вершить Закон. Где в этом списке «читать книги»? Кому это может пригодиться? И самое главное – зачем?

Прятаться от кого-то в заколоченной снаружи комнате было смешно, особенно после громогласного чиханья, и Книжник зашагал к хранилищу, не пригибаясь. Это была его территория. Тут он знал каждую полку, каждый стеллаж. В конце концов, тут он провел десять лет своей жизни.

Окон в хранилище не было и Книжник оставил дверь открытой. Он привычным движением зацепил рукой лестницу и покатил ее вдоль полок, к третьему от входа стеллажу.

Там Книжник поднялся на самый верх и нащупал лежащий на полке сверток – его тайник оказался в целости и сохранности, но все равно, войдя в освещенный зал Библиотеки, Тим не удержался и, присев на корточки, раскрыл пакет, чтобы посмотреть содержимое.

Атлас и книжица в выцветшем переплете с полустертой надписью «Diagu» на обложке. На желтоватой бумаге бисер рукописных строк, рисунки...

Порядок.

Он завернул все в кусок ткани и поднялся с колен.

Перед ним, ухмыляясь стоял Нога.

– Облом знал, что ты не выдержишь и вернешься за своим мусором, – сказал он, скаля неровные зубы, и ударил Книжника в лоб своим кулачищем.

* * *

Книжник открыл глаза через несколько минут.

Он не потерял сознание от удара, просто на некоторое время оказался снаружи своего тела, лишенный возможности им управлять. Голова гудела, словно железная бочка, по которой стукнули молотом. Саднила спина – Тим вспомнил, что Нога волок его по каменному полу, ухватив за щиколотку, и оставил валяться возле камина. Сверток со своими сокровищами Книжник из рук не выпустил, так и прижимал к груди.

– Очухался? – спросил Нога, нависая над ним. – Ты, червяк, теперь кончишь свою поганую жизнь в петле. Или забьем тебя камнями... Закон знаешь? Изгнанный не должен возвращаться. Никогда. А ты, дурак, вернулся и теперь, бл...ь, сдохнешь из-за своих сраных книг...

Вождь прятался в Библиотеке не один, с ним были два охотника – Резчик и Ковыляла. Книжник знал обоих. Они еще недавно ходили в тинах и стали челами всего год назад. Резчик был мастер свежевать туши и нарезать мясо лентами для вяленья, Ковыляла, будучи еще кидом, неудачно прыгнул с дерева и теперь ковылял при ходьбе, но так бросал копье и стрелял из винтовки, что о его недостатке мало кто вспоминал.

– Чё? – Нога криво усмехнулся. – Удивлен, чё я тут? Ты ж все думал, что я тупой? А мы с моими бро сообразили – ты обязательно вернешься. Может, и есть у тебя чё такое, а? Может, Книжник, ты реально знаешь, как нае. ть Беспощадного?

Тим молчал.

– Чё молчишь? Раньше надо было молчать... – сообщил Нога покровительственно. – А теперь ты, сука, заговоришь... Без вариантов! Щас мы тя... А, ну, бро, придержите-ка его...

Книжник не успел шевельнуться, как Резчик и Ковыляла прижали его к полу. Сверток с книгами отлетел в сторону. Нога с размаху шлепнулся своим жирным задом Тиму на колени и заржал, вытащив из грубо размалеванных ножен синий широкий клинок. Свободной рукой он схватил пояс штанов Книжника и рванул его вниз, обнажая живот и пах юноши. Тим задержался, но держали крепко, а еще нож Ноги кольнул его острием чуть выше лобка, и Книжник замер. Только сердце, несмотря на все старания Тима казаться мужественным, трепыхалось в горле, как придушенная силком птица.

– Чё, боишься?

Нож прошелся по животу поперек, слева направо, в паху у Книжника похолодело.

– Я тебя резать не стану, – пообещал Нога. – Я тебя подержу, а резать тебя будет Резчик. На ремни... Я его для этого и позвал. Он хорошо умеет резать. Так что, подумай, а я спрошу еще раз... Ты можешь нае. ть Беспощадного?

– Да... – прошептал Книжник, ненавидя себя за трусость.

– Да ты, блядь, действительно умный... – улыбка у Ноги была гнилая, передние зубы почернели, изо рта воняло. – Молодец! Ну, чё... Готовься петь, червячок!

Тим смотрел на перекошенную рожу Ноги, на радостные физиономии Ковылялы и Резчика, а видел только зев камина за их спинами, освещенный косо падающим светом блеклой луны... И сажу, которая сыпалась из каминного хода черным, почти незаметным облачком. Больше всего Книжник боялся ошибиться – а вдруг ему только кажется, что...

Белка возникла в каминной топке внезапно, но на этот раз не бесшумно – сухие угли хрустнули под подошвами ее ботинок. Нога услышал ее и отреагировал мгновенно, вскочил, разворачиваясь, выставляя в сторону девушки свой громадный нож, но при том давая шанс освободиться Книжнику, и тот своего шанса не упустил. Выгнувшись, он вложил весь свой страх и силу в единственный удар, который мог иметь успех: носок его ботинка ударил Ногу в промежность. Конечно, ботинки у Книжника были значительно хуже, чем у Вождей, но противнику хватило и этого: не закончив кульбита, Нога охнул и завалился прямым на Резчика. Резчик, в отличие от Ноги, был челом некрупным, и Нога оказался для него неподъемным грузом.

Белка использовала неожиданную помощь Книжника с максимальной пользой – не тратя ни одной секунды на покалеченного Ногу и задавленного Резчика, она развернулась и с коротким замахом ударила Ковылялу стволом автомата по переносице, сворачивая ее набок, и тут же, крутнувшись еще раз, прикладом добавила по затылку.

Нога, схватившись за яйца, выл, Ковыляла еще падал, фыркая кровью, силился встать Резчик, а Книжник, ведомый инстинктом самосохранения, откатился прочь, стараясь не попасть под замес, и искал глазами нож Белки, который вытащили у него из кармана, пока волокли из хранилища в главный зал.

Белка врезала Ноге по темечку, но по касательной, рассекая кожу. Голова Ноги оказалась куда крепче его колокольчиков, и последний удар не вырубил Вождя, а, наоборот, протрезвил.

Кровь залила ему лицо, и, взревев, Нога бросился на Белку, стараясь сбить ее с ног. Он явно хотел перевести схватку в партер и раздавить ее своей тушей, но девушка легко перепрыгнула через него, пропуская противника под собой.

Нельзя просто так стать Вождем Паркового племени.

В Ноге было не только под триста фунтов веса, в нем было еще столько же фунтов злобы, упорства и жестокости. Он перевернулся на спину, готовясь вскочить, и Книжник увидел в его руке клинок, которым Нога едва не вспорол ему живот.

Книжник отчаянно закрутил головой, разыскивая глазами свое потерянное оружие, и натолкнулся взглядом на встающего помятого Резчика. В руках у чела был нож, вернее, даже не нож, а короткий меч – длинный, как минимум в три ладони взрослого чела.

– Берегись! – каркнул Книжник. – Белка! Сзади!

Но Резчик уже кинулся на нее со спины, стремительный и целеустремленный, целясь лезвием в почки.

Белка тоже была быстрой, значительно быстрее, чем представлял себе Тим, и глаза у нее, наверное, росли на затылке, потому что исполнить то, что она исполнила без глаз на затылке было бы очень трудно.

В тот момент, когда меч Резчика уже касался ее одежды, девушка, не оборачиваясь, качнулась в сторону, лезвие лишь вспорол ей полу куртки, а Резчик пролетел мимо, вытянув руку в смертоносном выпаде. Он вложил в удар всю свою скорость и силу и остановиться не мог, а навстречу его физиономии уже двигался автоматный приклад...

Металл встретился с костью, в лице у Резчика что-то хрустнуло, ноги взлетели, и он грохнулся затылком на бетонный пол. Его длинный клинок откатился прямо к коленям Книжника, и тот схватил его с жадностью голодающего, увидевшего корку хлеба.

Тем временем полуживой Нога снова вступил в бой и попытался ткнуть Белке ножом в грудь, но она легко отразила выпад стволом автомата. Все действующие лица замерли. Резчик лежал неподвижно – нос у него теперь был ступенькой и щека провалилась на целый дюйм, Ковыляла перхал кровью и был занят уже не Белкой, а тем, чтобы не захлебнуться. В строю, хотя и относительно, оставался Нога. Вождь еще неуверенно стоял на ногах, наверное, мешали размозженные яйца, но, глядя на его перекошенную плоскую рожу, Книжник понял, что этот хоть с яйцами, хоть без них будет грызть врагов зубами до тех пор, пока жив. Тима впервые грела мысль, что именно его ботинок привел противника в такое состояние. Он бы даже повторил, но приближаться к Ноге было рискованно. Даже раненый, он представлял опасность и мог переломить юношу как сухую ветку, особенно сейчас.

Автомат Белки смотрел прямо в грудь Вождю, но она не торопилась нажимать на спусковой крючок, и Книжник понимал, почему. Пока они вдвоем дрались против троих. После выстрелов сюда примчится целое Парковое племя и счет пойдет на десятки жертв.

– Сдохни первой! – просипел Нога.

Он понимал, что Белка стрелять не станет, и явно надеялся достать ее сталью. Он был выше на две головы и значительно, фунтов на сто пятьдесят, тяжелее. Стоило ему только ухватить девушку или зацепить ее лезвием – и игра закончится. Книжника он в своих планах не учитывал, и зря.

Тим был напуган до смерти, избит и совершенно бесполезен в драке, но он не только боялся Ноги до дрожи, он до дрожи его и ненавидел.

Книжник попробовал подняться на ноги, но колени разъехались – он поскользнулся в луже крови, вытекающей из-под головы Резчика. Нога надвигался на Белку, а она отступала, не опуская оружия, но не стреляла. Тим прикинул расстояние до врага и понял, что внезапного нападения с фланга не получится, но ему было уже плевать на опасность быть искалеченным.

– А-а-а-а-а! – закричал он, поднимаясь, и побежал к Ноге, размахивая трофейным мечом, как дубиной.

Нога повернул к нему свою круглую башку на толстой, как бедро Книжника, шее, и осклабился, перехватывая свой тесак поудобнее.

Сталь ударила о сталь – Нога легко отбил выпад Тима (меч вылетел из рук, разбитые пальцы обожгло болью), и неожиданно стремительно развернулся, хватая Книжника за волосы.

– Беги, – крикнул Книжник Белке, взлетая в воздух.

Нож в руках Ноги блеснул в лунном свете, и Тим понял, что ему сейчас перережут глотку. Он отчаянно забился в руках вождя, лягаясь и рыча, как щен вольфодога, прихваченный за шкуру, но лезвие неумолимо летело к его кадыку...

Бабах!

Грохнуло, и Книжник кубарем полетел в сторону, стуча костями по шерботому бетону пола. Нога упал на спину с лицом, залитым кровью – пуля влетела ему в глазницу. Тело его сотрясали судороги, толстые сильные ноги скребли цементную крошку подошвами почти новых ботинок.

– Зачем ты полез? – спросила Белка и укоризненно покачала головой. – Ну зачем? Я бы его уделала...

– И-и-и-и-и-и-а... – втянул в себя воздух Книжник. – И-а-а-а-а-а-а...

Он удара у него забило дыхание.

Белка скользнула к окну. Внизу уже горели факелы – выстрел поднял на ноги всех членов племени. Кто-то внимательный заметил тень девушки и пуля разбила стекло, возле которого она стояла.

– Иаааа... хотел помочь! – наконец-то выдохнул Тим.

– Ну помог, – сказала она. – Молодец, что скажешь... Как теперь выбираться?

Книжник посмотрел на камин, Белка в ответ покачала головой.

– Не выберемся, не успеем. У нас меньше пяти минут. Если через пять минут мы все еще будем в здании...

Она подошла к агонизирующему Ноге и выстрелила ему в лоб. Книжник зажмурился. Он явственно слышал, как пуля, прошив череп вождя, цокнула о пол. Быстрый взмах ножа прекратил перханье Ковылялы.

– ...то мы покойники, – закончила Белка. Она вытерла лезвие о куртку мертвеца, и сняла с пояса Ковылялы кобуру с пистолетом, который он так и не успел вынуть.

– Держи, – она кинула Книжнику оружие. – Теперь это твой.

Снизу по окнам дали очередь, потом в разбитые стекла влетели бутылки с «горючкой». Первая не разбилась, а так и покатилась, разбрасывая искры от горящей в горловине тряпки, зато вторая рванула шаром белого вонючего пламени, которое сразу же ударило до потолка.

– Тут гореть нечему, – прохрипел Книжник. – Даже полы сняли. А в Хранилище это не долетит.

Он стоял перед Белкой, прижимая к груди сверток с атласом и дневником.

– Они подожгут дом, – сказала Белка спокойно. – Найдется чему гореть... Тут есть подвал?

– Да. Но двери заколочены, не попасть...

И тут Книжник вспомнил.

– Но есть лифты на втором этаже! В бывшем кафе! И мусоросборник!

– Прекрасно! Остается только понять, как мы отсюда выйдем...

Белка метнулась к камину и через мгновения уже бежала обратно, наматывая на локоть веревку, по которой они спускались, на плече у нее болтался рюкзак, ставший совершенно черным. Когда она оказалась у окна, снизу снова выстрелили, и уже не одна, а три пули ударили по стеклам. Внизу засвистели, заорали, и Книжнику показалось, что он слышит голос Облома.

– К дверям! – приказала Белка, и Тим послушно заковылял за ней, приволакивая ушибленную ногу. Голова кружилась, но идти он мог.

– Держи, – Белка сунула ему в руки веревку и рюкзак.

В руках ее было несколько круглых металлических штук, которые она ловко связала между собой.

– Что это? – спросил Книжник.

Она промолчала, закрепляя связку на дверной планке. Грязноватый, но по виду прочный шнурок она пропустила через кольца, болтающиеся сбоку шутоквин, и внатяжку привязала его остаткам заржавевшего замка.

– Все. Отходим, – скомандовала она, забирая у Тима из рук рюкзак.

В коридоре за дверями уже топотали челы. Кто-то принялся отдирать от дверей доски, протяжно заскрипели выползающие из пересохшего за лето дерева гвозди.

– Это гранаты? – снова спросил Книжник, хотя он был уже уверен в ответе.

Белка кивнула.

– Откуда они у тебя?

– Потом. Слушай меня. Когда они откроют дверь – будет взрыв. Сильный. Как только рванет, мы с тобой побежим. Будет неразбериха. Наша задача – прорваться к лифтам прежде, чем они поймут, что нас здесь уже нет.

Она посмотрела на огонь, который пылал на полу, и подняла на Книжника глаза.

– Если хочешь жить, неси сюда книги...

– Нет! – выдохнул он.

– Делай, что я тебе сказала... – Белка не повышала голоса, но ему казалось, что она кричит. Она забрала у него из рук драгоценный сверток и сунула в свой рюкзак. – Нам нужен дым... Много дыма!

Дверь тряслась под ударами.

В Хранилище Тим схватил стопку журналов «National Geographic», лежавших на ближнем к выходу столе – любимых журналов своего детства – и, вернувшись в читальный зал, швырнул их в лужу горючки. Журналы занялись неохотно, обложка начала коробиться и чернеть, от пламени повалил белый густой дым...

Сколько прекрасных часов провел Книжник, разглядывая фотографии удивительных мест, сколько нового прочел на этих желтоватых страницах...

Он замер, с ужасом наблюдая, как пламя пожирает журналы и его воспоминания.

– Ложись!

Он оглянулся на крик, не сразу сообразив, что это Белка командует ему.

Створки дверей уже начали расходиться, и из коридора в читальный зал хлынул торжествующий вопль охотников, настигающих добычу.

Книжник еще падал, когда дверь распахнулась.

Тиму показалось, что ему врезали доской по уху. На мгновение он ослеп и оглох, потом зрение вернулось. В воздухе кружили черные хлопья сажи. Горящие журналы разметало по всему залу, и воздух стремительно наполнялся белым едким дымом. Двери не было. Не было и части стены рядом с дверью. И возле дверей никого не было. Во всяком случае, не было живых.

Кто-то дернул его за руку, заставляя встать – это была Белка, и Книжник похромал к выходу, стараясь не наваливаться на спутницу всем весом.

Возле дверей валялось то, что еще минуту назад было их соплеменниками. Книжник постарался не смотреть под ноги. С этими челами он жил и вырос, но, заведи их Беспощадный, ни один из них не был ему ни другом, ни товарищем. Он был чужим для них, они для него. Но все равно, в груди у Тима защемило. Он был для них чужаком, но все-таки это было его племя.

Они бежали по коридору, а сзади уже топотала погоня. Облом сообразил – что-то пошло не так. Да кто угодно сообразил бы после того, как от взрыва вылетели все стекла на фасаде. Форы им давать не собирались, на то, чтобы найти лифты и выбраться, не было и минуты.

– Здесь!

Когда-то с помощью этих лифтов поднимали и опускали приготовленные на кухне второго этажа блюда, поэтому шахты были узкие, но выбирать не приходилось. Белка вышибла прикладом сдвижные люки, открывая воняющие плесенью проемы, и сноровисто юркнула в один из них. Книжник задержал дыхание и шмыгнул в соседний.

Он падал вниз, окутанный плотной липкой паутиной, которая, казалось, заполнила весь проем, и это было омерзительно до потери сознания. Летел он недолго и неожиданно ударился о подъемную платформу, стоящую поперек шахты. Почти застрял, но от удара платформа просела, и он ухнул дальше вместе с ее обломками. Внезапно лаз закончился, и Книжник, оказавшись в пустоте, задрогал ногами, вскрикнул от неожиданности и с шумом влетел в какую-то хрустящую пыльную массу, сплошняком покрывавшую пол.

Рядом фыркала и ворочалась Белка. Здесь было совсем темно – подвал находился под зданием и его действительно давно никто не посещал, не было ни желания, ни необходимости. Двери, ведущие сюда, были завалены мусором много лет назад, а те, что были снаружи, давно росли в землю до половины.

Рядом с ним что-то хрустнуло и подвал залил малиновый свет от фальшфейера, от которого Тим моментально ослеп.

– Забери меня Беспощадный, – выдохнула рядом Белка.

Книжник моргнул несколько раз и замер.

Они стояли по колено в высохших хитиновых тельцах, сброшенных змеиных кожах, каком-то истлевшем мусоре, сгнивших тряпках...

Тим почувствовал, что начинает чесаться. Весь. С головы до ног. И даже внутри. Пахло сыростью, крысами и еще чем-то непонятным, омерзительно терпким.

– Где выход?

– Не знаю. – Книжнику почему-то сдавило горло и он засипел. – Это подвал. Тут были кухни и кладовые. И еще место, где делали тепло...

– Выход? – повторила Белка.

Над ними зазвучали отдаленные голоса.

– Быстрее! Они сейчас забросают нас гранатами!

– А у них есть? – спросил Тим.

– Я украли свои у них, перед тем, как уйти. У них есть. Не сомневайся.

– Надо искать люк, – сказал Книжник. – Люк в полу. Там должно быть место, куда сливали грязь. Что-то вроде трубы или большой ямы.

– Ты уверен? Знаешь?

– Я так думаю.

– Не думай, – приказала она. – Ищи.

Белка уже шла, подняв над головой фальшфейер, загребая ногами в омерзительном слое мертвых насекомых.

– Ищи.

Тук-тук-клац...

Что-то летело по старой лифтовой шахте.

– В сторону, – крикнула Белка. – Ложись!

Книжник не ожидал от себя такой прыти.

Граната взорвалась уже тогда, когда они оба забились за старую топливную бочку в углу. Осколки хлестнули по стенам, по ржавому металлу бака, по потолку. Взрыв поднял в воздух тучу пыли, состоящей из хитина и мусора.

– Если мы не найдем люк, то тут и сдохнем, – сказала она, закрывая свободной ладонью рот. В ее второй руке уже догорал фальшфейер. – Быстрее, Книжник! Быстрее!

Книжник зажмурился и буквально нырнул в мусор у их ног, ощупывая руками бетонный пол.

Тук-тук-тук-кляц!

Перед тем, как снова рвануть за спасительный ржавый бок бака, Тим почувствовал под ладонью железо.

На этот раз гранат было две, и осколки от них разлетелись рикошетом по всему подвалу, чудом не ранив их прямо в укрытии.

– Люк здесь!

На этот раз они нырнули в мусор с головой (Белка успела воткнуть фальшфейер между какими-то железными прутами и красный химический свет забился о стены), обшаривая руками пол, пока не нащупали квадратный кусок железа, расположенный заподлицо с бетонной плитой, но к счастью Книжник нашел на железе углубления, за которые можно было ухватиться.

Голоса сверху звучали громче и громче, и было件нятно, что через несколько секунд вниз полетят еще гранаты.

– Взались! – прокряхтел он, чувствуя, как хрустят мышцы на напряженной спине. – Взались вместе!

Если бы не помощь Белки, Книжник бы никогда не открыл выхода.

Крышка буквально вросла в бетон, но им совместными усилиями удалось сорвать ее с четвертого рывка, вцепившись в проушины на поверхности. Звук при этом получился странный – этакий хлопок. И произошло это ровно в тот момент, как в лифтовых шахтах запрыгали веселые шарики, начиненные взрывчаткой: тук-тук-тук-кляц! И еще раз: тук-тук-тук-кляц!

В открытый проем под их ногами хлынул мусор, словно вода в отворенный слив – потоком, загудел воздух, устремившийся вниз в провал. Хитиновая пыль, шуршала, закручивалась в воронки, текла гладкими струями, рушилась, как вода в водопад...

В красном свете фальшфейера зрелище было совсем уж нереальным.

Казалось, что под полом сидит огромное живое существо, всасывающее все, что оказалось в зоне досягаемости. Всасывает – и сжирает, всасывает и сжирает... Книжник ощутил, как дрожит и вибрирует воздух вокруг него. Секунды тянулись, словно разогретая смола на сосновом стволе.

Гранаты одна за другой м-е-д-л-е-н-н-о вылетели из лифтовых проемов одна за другой, ударились о бетон, подпрыгнули...

И взорвались, изрыгая смертоносные осколки чугуна.

Но Белка и Книжник прыгнули в темноту, открывшуюся у них под ногами, за полсекунды до этого.

* * *

Внизу оказалась труба из старого крошащегося от влаги бетона. Сырая, пахнувшая чем-то горьким, наполнившим рот вязкой слюной.

Короткое скольжение по наклонной и такой же короткий полет. Ударило в пятки, но несильно, хотя Книжник равновесие все-таки потерял и полетел вперед головой. Белка тоже упала, но тут же вскочила, подхватила Тима под локоть и поволокла за собой. Вокруг было – хоть глаз выколи, труба оказалась чуть ниже роста Тима и он больно оцарапал макушку, после чего пригнулся и дальше бежал на полусогнутых. Под ногами зачавкало, сначала под подошвами, а потом переставлять ноги стало тяжело и запах стал совершенно невыносим – тяжелая и густая вонь испражнений, гниения и скисшей зелени заполняли легкие. Начала кружиться голова, Книжник уже не бежал, а выписывал па на лишенных коленей ногах.

В конце трубы они натолкнулись на решетку – ржавую, но прочную, не выломать. В руках у Белки вспыхнул фальшфейер и алое пламя разогнало тьму. Тут дышалось легче, но там, где проходил воздух, выбраться из коллектора не получалось. Белка сообразила это сразу, при беглом осмотре.

– Назад, – приказала она. – Ищем боковой проход! Под ноги не смотри.

Но Книжник уже посмотрел. И зажмурился от отвращения – густая каша из старых нечистот и огромных мокриц, каких-то жуков, слизней и сколопендр шевелилась вокруг его икр. Здесь было все, что высралось из себя Парковое племя за годы своего существования, гигантская выгребная яма, заполненная многоногими хитиновыми демонами.

– Вперед, – повторила Белка скрипящим голосом. – Вперед, если не хочешь сдохнуть!

Книжник снова побежал, теперь в обратном направлении, переставляя ноги, словно механическая игрушка.

Боковой проход обнаружился через десять метров – раза в два уже основной трубы, но дерьма в нем было не меньше. Для того, чтобы попасть в него, надо было стать на четвереньки, Книжник замешкался, завыл от ужаса и брезгливости, но Белка без церемоний пинком вогнала Тима в этот вонючий зев ударом колена и сама нырнула за ним.

Книжник полз и рыдал.

Больше всего хотелось умереть или потерять сознание от вони. Но приходилось ползти. Хотя воздух был омерзителен и наполнен миазмами гниения, но дышать им было можно. Но вот то *живое*, что шевелилось под ладонями и коленями... Выдержать это было практически невозможно, но он держался, сдерживая позывы к рвоте. Больше всего Книжник боялся упасть и погрузиться в жижу лицом.

Тим слышал, как сзади хрипит Белка – ей приходилось еще тяжелее, одной рукой она все еще держала горящий фальшфейер. Ход стал еще уже и пошел вверх, едва ощутимо, но пошел. Они уже не ползли – протискивались, и Книжник представил себе, как они застревают в этом проходе. Наглухо. И от одной этой мысли его начало бить крупной, похожей на судороги, дрожью.

Книжник вывалился из узкой трубы в бетонный короб, и когда фальшфейер осветил внутренности их нового убежища, сообразил, где они находятся.

Справа от них должна была располагаться Банка, слева – железный павильон со сгнившей крышей, в котором некогда торговали сэндвичами, сладкой ватой и напитками.

Белка увидела место, где бетонная крышка короба выкрошилась, образовав широкую щель и, хлюпая по вонючей вязкой грязи, побежала туда. Тим, пошатываясь, побрел за ней.

К его изумлению (он все еще сохранил способность наблюдать и изумляться), он сунула фальшфейер в густую жижу под ногами и легкой тенью вылетела в проем, оставив Тима в одиночестве. Книжник испугался, что она бросит его здесь, причем, испугался по-настоящему. Страх придал ему сил, он ухватился за осклизлый край, подтягиваясь и ощутил руку Белки на своем воротнике. Секунда – и он упал на траву, дыша полной грудью. Над ним возвышалось нереально звездное небо, такое высокое и красивое... Он с наслаждением втянул воздух в легкие, силясь очистить их от...

– Бегом! Бегом!

– Не могу... – выдохнул он.

– Сдохнешь. Встал и пошел!

И он снова встал, потому что ему было стыдно сдохнуть вот здесь после того, как он все-таки вылез...

Погоня бесновалась в какой-то сотне метров от них. Книжник сквозь подлесок видел, как пляшут языки пламени за окнами Библиотеки. Его Библиотеки. Его дома. И тут же отвернулся. Надо было смотреть под ноги. Белка специально не уходила в отрыв, хотя могла давно исчезнуть бесследно. Книжник подумал, что она спасает не его, а книги, лежащие в рюкзаке.

И его умение складывать из букв слова. Не более. Сам он никакой ценности не представлял – тощая, неумелая, проблемная обуза. Бездомный изгой.

Они свернули, нащупывая новую тропу. Крики преследователей звучали тише – племя явно сбилось со следа, но Тим знал, что это не надолго.

Следопыты свое дело знали туго, а их с Белкой можно было найти даже если бы они летали, только по запаху, было бы желание. Желание, судя по всему, было. А уж после смерти Ноги...

Снова поворот.

И тут Книжник понял, куда ведет его попутчица, и едва удержался от того, чтобы не броситься в противоположную сторону.

Белка направлялась к Болотам.

Глава третья

Болота

Облом смотрел на Ногу. Нога все еще дымилась.

Он не успел обгореть до костей, вытащили тело раньше, чем Библиотека занялась все-ррез, но зажариться успел. Одежда обуглилась, кожа пошла клочьями, сильно пострадали нижние конечности, над которыми огонь поработал больше всего – ботинки и плоть стали одним целым. Нога источал сильнейший запах жареного мяса, как будто его специально запекали на костре.

– Червяк сбежал? – спросил Облом сквозь зубы.

– Сбежал, – ответил Свин.

– Когда мы поймем его, я зажарю его живьем.

– А ее ты отдашь мне... – ухмыльнулся Свин. – Я ее тоже зажарю!

Он засмеялся, похрюкивая. Именно за этот смех и за круглое лицо, на котором красовался нос с вывернутыми ноздрями, Свин и получил свое прозвище.

Из темноты вынырнул Бегун. Он был зол и сосредоточен, как охотник, преследующий добычу. Он и был охотником, преследующим добычу, только дичь на этот раз была человеком. Сухой, маленький, очень быстрый и очень жестокий – блестящие черные глаза, неожиданно большие для острого смуглого личика с застывшей на нем улыбочкой. Бегун всегда улыбался, но от одного взгляда на эту улыбку даже у Облома шел мороз по спине.

– Ушли, – сказал он негромко. – В сторону Болота ушли. Я всегда говорил, что у нее там нора.

– Как ты думаешь, они забрали то, за чем приходили? – Облом взмахнул рукой, подзывая челов-охотников.

Бегун кивнул.

– Значит, Книжник не врал.

– Точно, – оскалится Бегун. – Не надо было его выгонять, Облом.

Он замолчал, выжидая, пока челы оттащат в сторону тело Ноги, а потом продолжил:

– Надо было не ловить на живца сразу двух рыбок, а приласкать этого кретина, дать ему пару герл и пару бутылок старого дринка, он бы сам раскололся от лба до яиц! Сам бы отвел нас к месту, где есть лекарство от Беспощадного. Но ты решил поймать на него Белку... Какого хера, Облом? Зачем эта дохлая тварь тебе понадобилась? Тебе мало герл? Сходи в набег, чтоб ты сдох первым, найди себе неприятности на жопу! Но зачем ты трогал эту чокнутую? Мы же договорились держать ее подальше!

Облом насупился.

Он был вдвое крупнее Бегуна, он вообще был самым крупным в племени, если не считать Ногу, но Ногу можно было уже не считать. Даже Свин уступал покойнику в размерах, хотя был толще.

– Ты на меня не ори, Бегун, – процедил Облом. – Эта сука вчера утром разве только нас не обоссала. Она думает, что хозяйка. А она – ничто! Грязь! Говно!

– Кончай орать, – оборвал Облома Бегун. – Это грязь завалила Ногу! Слышь, как воняет наш с тобой друган? Пусть его примет Беспощадный! Она завалила Вождя, Облом, убила одного из нас. То, что она расправилась с двумя охотниками – не проблема, челы – они и есть челы, невелика потеря. Но убить Вождя и смыться... Ты думаешь, это добавит нам авторитета?

– Ты меня не учи, что мне и как делать, – в голосе Облома звучала неприкрытая угроза. – Я в своем праве, Бегун. Мы равные, ты мне не указ!

– Мы равные, – подтвердил Свин, вмешиваясь в разговор. – Такой Закон.

– Мы равные, – согласился Бегун. – Поэтому надо думать и советоваться, прежде чем делать. Книжник сбежал, Белка убила Ногу и двоих челов и ушла безнаказанной. На глазах у всего племени нас смешали с дерьмом, высушили и растерли в пыль. Что теперь делать будем, а, равные? Что скажут челы, которые видели, как нас унизили? А герлы будут покорны, как овцы, или возьмут пример с Белки? Вы думаете, что Вождь – это пожизненно, до встречи с Беспощадным? Нет, бро! Вождь – это до первой ошибки! До первого раза, как оступишься и дашь понять, что тебя можно трахнуть!

Облом молча понурил голову.

– Что будем делать? – спросил Свин с опаской.

Ему не улыбалось терять место Вождя, когда-то завоеванное кровью.

– Мы должны их поймать, – сказал Бегун. – Заставить Книжника привести к месту, где лежит лекарство, а эту рыжую суку прибить к воротам Парка. Живьем. И мы ее прибьем!

– А я ее трахну, – осклабился Свин, почесав себя в паху.

– Сколько угодно, бро, – усмешка Бегуна была ледяной. – Но она должна быть еще живой, когда мы прибьем ее к воротам. Это приказ всем челам, которые пойдут с нами. Брать обоих живыми. Они должны сдохнуть на глазах у племени, да так, чтобы об их смерти герлы еще двадцать поколений рассказывали бэбикам. И те жидко срали от страха...

* * *

Погоня отстала. Скорее всего, вождей испугал начинающийся пожар в Библиотеке. Лето в этом году выдалось жаркое, солнце основательно подсушило траву в Парке, стремительно желтеющая листва тоже жухла со дня на день все больше и больше, так что гореть действительно было чему.

Сухостоя в Парке, правда, не водилось лет десять как. Все мертвые деревья вычистили давным-давно, не из соображений безопасности, а из-за лени – зачем ходить далеко в поисках топлива, когда все есть под рукой? Но и без высохших стволов пожар мог получиться на славу: доберись огонь до травы – и загорится кустарник, который на дрова не годился, а разросся так, что в некоторых местах пробраться через плотные высокие заросли было проблематично.

Книжник с болью подумал о пылающих стеллажах, на которых обугливаются корешки книг, и понадеялся, что сторит не все, хотя зарево, разгорающееся за его спиной, говорило о противоположном. Одно Тим понимал четко – обратно ему не вернуться никогда, а, значит, книги станут бесполезным мусором и пойдут на растопку в течение одной-двух зим. Но так, сгорая, они дают ему и Белке возможность скрыться.

Сейчас тропа была достаточно широкой – они вышли на нее буквально сразу за охраняемыми воротами и припустили на восток, оставив часовых любоваться заревом. Места все еще были знакомыми. Не то чтобы Тим хорошо ориентировался в темноте, просто ошибиться было трудно: тут, слева, лежала опутанная плющом с головы до ног огромная статуя Годзиллы, на которой он еще кидом играл со сверстниками. Кстати, среди них был Ковыляла, тогда еще не ковылявший, и Нога, тогда еще младшенький, но уже не безобидный – крупный и злобный.

Чуть дальше, там где плиты старой дороги торчали из земли остатками сгнивших зубов, находился постамент, из которого торчали ноги Принца и Принцессы – выцветшие, растрескавшиеся куски толстого пластика. Сами Принц с Принцессою валялись чуть осторонь, все так же, как и 85 лет назад, держась за руки. Но их Тим не разглядел, слишком уж густой оказалась тень платана, склонившегося над тропой. С платана с неприятным цоканьем на плечо Белке сиганул ее ручной грызун – Тим даже испугаться не успел, так быстро это произошло. Прыгнул, мелькнул тенью и исчез в капюшоне худи, как в гнезде – девушка даже не сбилась с шага.

До Болот отсюда было меньше мили – рукой подать. Ходить по этой тропе никто из Племена не любил, а многие просто боялись. Болота – это вовсе не то место, куда хотелось про-

гуляться. В год прихода Беспощадного именно туда свозили тысячи тел умерших, далеко не сразу сообразили, что трупы правильнее сжигать, а когда сообразили, Болота уже были набиты телами под самую завязку. И никто тогда не знал, что болотная вода заботливо хранит все, что в нее попало: одежду, ткани, обрывки бумаги, металлы и даже плоть. И, когда летом над проплешинами в плотном ковре ряски вставало солнце, мертвые лица смотрели в небо из глубин.

Тины иногда ходили к Болотам – это было доказательством смелости и готовности стать челом. Даже киды из тех, кто постарше, бегали на Болота, чтобы продемонстрировать отвагу. И те, и другие довольно часто не возвращались назад. Что с ними случилось, никто не знал наверняка. Шаман в сопровождении челов исполнял на берегу свой танец, просил Беспощадного о милосердии и с чувством выполненного долга уходил обратно. И так повторялось раз за разом. А Болото шло вонючими пузырями, вскипало коричневой плотной пеной по краям и продолжало неумолимо отбирать свои жертвы, плясал на берегу его шаман или не плясал. Странные звуки все так же доносились из затянутых ряской бочагов по ночам, наводя ужас на Парковое племя.

Ничто не страшит так, как неизвестное, невидимое, непонятное, и Болото пугало всех, живущих неподалеку него, заставляя благоразумных десятой дорогой обходить растущие по его краям заросли осоки, а безрассудных делать вид, что они не боятся.

Тим не был ни безрассудным, ни отчаянным, но теперь вслед за Белкой шел именно туда, куда ходить не следовало. И с ужасом втягивал в ноздри крепчающую вонь несвежей болотной воды смешанную с гарью далекого пожарища и острым запахом лесных трав.

– Белка, – позвал он, задыхаясь от усталости. – Белка!

– Что? – бросила она через плечо.

– Куда мы идем?

– Ко мне...

– Это же тропа на Болота!

Она резко остановилась, обернулась, и Тим едва не налетел на нее.

– Там мой дом.

– Но Болота...

– Тебе не Болот надо бояться...

Она ткнула стволом автомата в зарево над деревьями.

– Вот чего тебе надо бояться...

– Ты там жила все это время?

Она фыркнула.

– Да. Где мне было жить, чтобы Вожди меня не нашли? Там, куда они и заходить бояться!

Иди за мной, Книжник, и не дрожи – тебя не съедят. Главное – дотяни до рассвета. Утром нас тут уже не будет.

Тим кивнул.

Лицо девушки было наполовину скрыто в тени, зато вторая половина ярко освещена лунным светом. Книжник увидел только часть улыбки. Как ему показалось, ободряющей.

* * *

Белка разбудила его на рассвете.

Лес был сер и между стволов бродили ключья влажного тумана. Утро оказалось совершенно по-осеннему зябким, хотя температура после полуночи не опускалась ниже сорока пяти. Сырость и близость Болота вытягивала из костей тепло и, от этого казалось, что кровь стынет в жилах, превращаясь в ледяную шугу.

Последние часы этой безумной ночи они провели в гнезде Белки – просторном домике, расположенном на ветвях старой раскидистой ветлы, стоящей у самого края Болота. Тим плохо

помнил, как они забирались вверх по скользким веткам. Он был вне себя от страха и усталости и вырубился, как только оказался в безопасности, едва переступив порог.

Но сон оказался недолгим, хотя и глубоким, словно смерть. Книжник проснулся оттого, что Белка трясла его за плечо.

– Пора... Вставай, Книжник. Выходим.

Тим привстал и снова сел – ноги плохо слушались, болело избитое тело. И голова гудела после вчерашнего удара. Ноги просто невозможно.

– Не могу... – выдавил из себя Тим. – Дай отдохнуть... Если они тебя не нашли за столько лет...

– Раньше я им не слишком мешала. Сейчас будут искать по-другому. Я тебе потом объясню, – Белка покачала головой. – Надо уходить. Вставай.

Книжник, кряхтя, принял условно вертикальное положение. Он был чудовищно грязен после вчерашних ползаний по дымоходу, оборван и вонял канализационной жижей так, что сам был готов закашляться. Белка же была вымытой и свежей, в чистой одежде, и о вчерашней схватке напоминали лишь несколько ссадин на бледном от недосыпа лице.

– Помыться бы... – робко попросил Тим.

Белка покачала головой.

– В дороге помоешься. Помогай.

Она исчезла с дверным проемом, представлявшем собой широкий люк в полу, возле которого лежало несколько мешков, приготовленных для спуска. Мешки оказались тяжелыми, в одном из них что-то бряцало, но Книжник опустил их вниз, к подножию дерева на веревках, постанывая от напряжения.

Не успел он перевести дух, как Белка снова появилась в домике, даже не запыхавшись.

– Рюкзак не забудь, – приказала она. – И пистолет. Это теперь твой пистолет.

Тим хотел было сказать, что стрелок из него никакой, но передумал.

Белка остановилась посреди своего убежища, обвела его взглядом. Лицо ее оставалось спокойным, но во взгляде появилась грустинка, Книжник умел уловить такой момент.

– Я уж думала, что умру здесь, на этой лежанке...

Тим попытался посмотреть на окружающее ее глазами: лежанка, застеленная шкурами, в углу – столешница из досок на железной ноге, оружейные ящики вдоль стены, гвозди, на которых осталась висеть одежда... Все было очень просто, но, несмотря на это, Тим чувствовал, что во многое в этом доме была вложена любовь... Это был Дом. Как его угол в Библиотеке, который Книжник не променял бы на Покои Вождей.

Зеркало в углу. Гребень для волос. Какие-то склянки. Пучки сухих трав.

Тим остановил взгляд. Фото. Старое фото, поблекшее под мутноватым поцарапанным стеклом.

Мужчина, женщина, двое детей на них похожие – мальчик и девочка. Почти погодки, сразу видно, что брат и сестра. На заднем фоне выцветший до теней океан.

– Кто это? – спросил он.

– Никто. Я нашла это в развалинах.

– Зачем хранишь?

– Когда мне было плохо, я воображала, что это мои мама и папа...

– Помогало?

Она пожала плечами.

– Не очень. Но было легче.

Белка вынула фото из рамки и сунула в карман куртки-разгрузки.

– На удачу, – пояснила она. – Не хочу оставлять их одних. Спускайся. Мне надо кое-что сделать...

Тим посмотрел на Белку, а потом на оружейные ящики и кивнул.

– Жди внизу, – приказала девушка. – Никуда не отходи.

Когда Книжник скрылся, Белка замерла на секунду, закрыв глаза. Когда она их открыла, грустинка из взгляда исчезла. Зверек, мирно дремавший в капюшоне ее худи, почувствовал настроение хозяйки и выглянул из своего убежища, касаясь рыжей мордочкой ее щеки.

– Вот и все... – сказала девушка, то ли бельчонку, то ли самой себе. – Пора.

Она шагнула вперед, к зеленым оружейным ящикам.

Еще через минуту она уже закрывала за собой люк. Опустившись, крышка натянула несколько стальных нитей, раскинувшихся от угла к углу, словно взвела боевую пружину.

Тим ждал ее у подножия – шуплый, скукоженный от усталости и холода, растерянный.

– А где мешки? – спросил он.

– Уже погружены.

– Куда?

– Сейчас увидишь...

Лодка была металлическая, Книжник даже вспомнил правильное слово – дюралева, и поэтому неплохо сохранилась. Она стояла, уткнувшись носом в берег, а за ее кормой простиралось на многие мили зеленое, укрытое густым одеялом из тумана и ряски Болото.

– Прыгай!

– Ты собираешься...

– Не зли меня, Книжник. Выполняй, что я тебе говорю, останешься жив.

– Это же Болото Мертвых! – просипел Тим сдавленным голосом.

– Точно. Это значит, они направятся в обход и мы выиграем как минимум сутки. А то и двое. Садись. Некогда. Они уже идут за нами.

Тим шагнул в лодку, и Белка тотчас же оттолкнула «дюральку» от берега длинным шестом. Туман за клубился, пожирая деревья, оставшиеся на земле, зашуршала ряска, обтекающая низкие облезшие борта суденышка. Пронзительно закричала невидимая ночная птица и Книжник едва не опростался от этого тоскливого крика, но сдержался и уселся на жесткой скамейке на носу. Он извлек из рюкзака атлас, нашел нужную страницу и, покрутив головой, прикинул стороны света.

– Хорошо, что нам нужно на восток, – сказал он негромко, обращаясь к Белке. – Мы плывем в нужном направлении. Знаешь, тут на карте есть... В общем... Когда-то тут были озера. Несколько. Когда одно соединено с другим – это называется каскад. Ходили большие лодки – пароходы. Много небольших городков по берегам...

– Я видела развалины.

– Куда нам нужно попасть? Я посмотрю по атласу.

– Это неважно. Пока что, нам нужно выжить, – ответила она. – А выжить – это убраться отсюда, до того, как нас найдут.

Туман был настолько густой, что Тим не мог разглядеть ее лица – только силуэт на корме, ловко работающий шестом.

– А с остальным мы разберемся потом...

* * *

Солнце уже встало над горизонтом, когда из леса вышли разведчики. Они двигались осторожно, с большой опаской, но по мере того, как становилось светлее, смелость возвращалась к челам.

Книжник оставил после себя не след, а целую просеку, любой охотник мог пройти по ней с завязанными глазами – примятая трава, куски грязи, хранящие в себе вонь экскрементов, отпечатки подошв на сырой земле.

– Смотри-ка, – сказал Облом с уважением, разглядывая следы. – Червяк топают напролом, а после нее – ничего. Как по воздуху летит...

– Книжник никогда не умел ходить по лесу, – кивнул Бегун. – Смотри... Забьем, ее нора на вот той старой иве!

– С чего ты взял? – удивился Свин. – Зачем строить дом на дереве?

– Лучшее место, – согласился Облом, не обращая внимания на удивленную физиономию Свина. – Обзор хороший. Веток много, ствол широкий.

Один из разведчиков вынырнул из кустов возле ветлы, которую они втроем рассматривали, и призывно замахал руками.

– Точно там, – Бегун поправил автомат на плече и зашагал к дереву, уже не прячась. – Не бздите, бро... Их там давно нет.

Свин с Обломом переглянулись и двинулись вслед за Бегуном.

Снизу дом Белки тоже было не разглядеть. Для того, чтобы увидеть люк, надо было подняться до середины ствола.

– А если они там? – спросил Свин опасливо.

– Ща проверим, – Облом поправил автомат за спиной и приготовился лезть выше.

– Остынь, – Бегун придержал его за плечо. – Куда прешь, бро? Жить надоело?

– Ты же сам сказал, что их там нет, – обиделся Облом. – Чё хватаешь?

– Хочешь сдохнуть первым? – спросил Бегун равнодушно. – Валяй! Лезь наверх, долбон!

Ну!

– Я чё?.. – сдулся Облом. – Я ничё...

– Давай-ка вниз, бро... Потолкуем... – Бегун повернулся к Вождям спиной и начал спускаться.

Он спрыгнул с огромного ивового ствола, и они отошли в сторону, подальше от стоявших группой челов.

– Слушай, чувак, – сказал Свин негромко, обращаясь к Бегуну, – если у вас проблемы, давай я сгоняю. Поднимусь наверх, брошу внутрь подарочек, – он продемонстрировал лежащее на широкой ладони зеленое яйцо гранаты, – и все!

Бегун вздохнул устало.

– Я же сказал – они нужны нам живыми. Чем ты слушаешь, Свин? Жопой? Мы оставили племя на Шамана... Как ты думаешь, он будет рад занять твое место?

– А какого хрена я отдам Гребню свое место? – взвился Свин.

– Потому что покойнику никак не быть Вождем, – объяснил Бегун. – Ты меня достал, Свин. Ты сильный чел, Вождь и все такое, я так рад, что ты мой бро... Но нельзя, бл...ь, быть таким тупым. Ты убьешь их всех потом...

– Я уже понял... – отозвался Свин мрачно. – Ладно, командуй. Но так, чтобы они, – Свин едва заметно повел массивным подбородком в сторону челов-охотников, – не видели.

– Годится, бро... Ты – самый могучий! – развел руками Бегун.

Глаза его чуть сощурились, что должно было означать благожелательность и улыбку.

Облом просто ухмыльнулся.

– Шустрый, – вполголоса позвал Бегун.

От группы челов отделился тот, кого называли Шустрым – сухой, долговязый парень с густыми черными волосами, забранными в хвост.

– Живите вечно, Вожди!

– И ты живи вечно, бро...

– Что думаешь?

Бегун кивнул в сторону ивы.

– Двое поднимались, потом сошли. Есть следы веревок на коре.

– Что-то опускали вниз?

– Да.

– Куда ушли?

– Пока не знаю, Бегун. Я отправил Кислого и Пулю искать следы.

– Они могут все еще быть наверху?

Чел хмыкнул.

– Ты бы стал дожидаться нашего прихода, Бегун?

– Я бы не стал. Но нужно проверить дом, Шустрый.

– Хорошо, вождь.

Шустрый повернулся, чтобы уйти, но Бегун придержал его за плечо.

– Послушай, бро, не ходи туда сам. Не надо. Пошли туда самого медленного...

– Хорошо, Вождь...

Но Бегун не снял руку с плеча Шустрого.

– Или самого глупого...

– Хорошо, вождь.

– Или самого непослушного, – сказал Бегун, не ослабляя хватки. – Того, кто тебе не нужен. Вчера погиб Нога, бро...

– Я знаю.

– Мы все скорбим, Шустрый, но Закон есть Закон. И он говорит – Вождей должно быть четверо. Ты понимаешь, о чем я?

– Да, Бегун.

– Хорошо. Иди.

Шустрый бегом вернулся к челам – их было пятнадцать, вызвавшихся идти добровольно. Взять с собой больше Вожди не решились, чтобы не оставить племя беззащитным. Вскоре от отряда охотников отделился невысокий коренастый чел и начал взбираться на ветлу.

– Он выбрал Грустного, – сказал Бегун, обращаясь к Вождям. – Неплохой выбор. Он не дурак, этот Шустрый...

Грустный быстро взлетел по стволу до того места, где от него расходились толстые ветви кроны, и исчез из виду.

Еще через минуту он со всеми предосторожностями приподнял крышку люка, ведущего в дом Белки, стволом автомата и в образовавшуюся неширокую щель оглядел внутренности «гнезда». Он не мог видеть зеленый гнутый брусок «клеймора», прикрепленного прямо над проемом к потолку, а вокруг люка все было чисто. И тогда Грустный открыл крышку...

Резкий и громкий хлопок разорвал утреннюю тишину. Охотники мгновенно рухнули в траву, Вожди метнулись за полусгнивший ствол поваленного дерева, лежавший рядом. Но взрывов больше не было. Просто что-то тяжелое, хлюпнув, ударилось о ветки и рухнуло наземь возле ивы.

«Клеймор» – мина направленного действия, и Белка расположила ее так, что поток поражающих элементов ударил точно в проем, сметая все на пути. То, что упало на землю, уже мало напоминало Грустного.

– Ну вот, – сказал Бегун, отряхивая колени. – Одним претендентом на место в нашей теплой компании стало меньше...

В этот момент крона ивы вспыхнула белым огнем и взрывная волна разметала все вокруг. Дом Белки рванул целиком.

* * *

Белка услышала взрыв – над водой даже слабый звук разносится на многие мили, а этот грохот был очень силен – и ухмыльнулась. Над берегом, до которого уже было больше мили, встал дымно-огненный столб.

Книжник спал, положив голову на один из вещмешков, и от этого грохота только заворочался, глаза его под веками заходили туда-сюда, но он вздохнул и снова затих. Обшарпанный и мятый нос «дюральки» рассекал зеленый ковер водорослей.

Когда лодка выскочила с «зеленки» на участок чистой воды, шуршание вдоль бортов сменилось журчанием. Тут глубина явно выросла, шест перестал доставать дна и остаток пути до нового покрывала из ряски лодка двигалась по инерции. Впереди высился островок, поросший камышом и каким-то приземистым кустарником, судя по всему, колючим. На одной из веток, зацепившись за шипы, болтался кусок выцветшей ткани. Белка нашла его глазами и едва заметно кивнула, направляя «дюральку» в проход, обозначенный обрывком. Лодка с трудом протиснулась в тесный проливчик, но дальше он стал шире. Мерно погружался в воду шест, Белка изредка пригибала голову, уворачиваясь от веток. Воздух наполнился холодным запахом вечной тени, сероводородной вонью и гудением – вокруг беглецов закружились комары.

От жужжания и укусов насекомых проснулся Книжник. Он привстал на локте, вглядываясь в темную воду за бортом. Она была прозрачна, и снизу, от невидимого дна к поверхности, поднимались красивые круглые пузыри.

– Не вздумай опускать руку за борт, – предупредила Белка негромко. – И не смотри, не надо...

– Куда?

– В воду не смотри, – повторила она.

Книжник не успел отвести взгляд, как перед ним, под самой поверхностью проскользнула человеческая рука. Кисть с тонкими пальцами, хрупкое запястье, предплечье, обернутое тканью...

Тим отшатнулся, привстал, глядя за корму, снова посмотрел в воду возле борта...

Из-под темной воды на него смотрело человеческое лицо. Лицо старой женщины. Практически нетронутое, только часть верхней губы и крылья носа были обгрызены, что придавало в целом правильному овалу странную асимметричность. И в открытых глазах старухи не было ни белков, ни радужки – плескалась в глазницах глянцева тьма, словно туда налили чернил.

Книжник не застонал – захрипел и инстинктивно попытался забиться в нос лодки, суча ногами и царапая ногтями металл.

Лодка плыла над телами мертвых, и шест Белки беспокоил их вечный сон, заставлял ворочаться на своем илистом ложе. То там, то здесь из-под воды показывались то кисть, то колено, то спина, то голова утопленника – показывались и снова скрывались в бурлящей сероводородными пузырями глубине.

– Здесь только мертвые, Книжник...

В голосе Белки практически не было эмоций – ни боли, ни страха, ни сочувствия. Она констатировала факт.

– Мертвых нечего бояться. Бояться надо живых.

Она замолчала, а лодка вышла из пролива между островками на открытое пространство и сверху на беглецов обрушилось набравшее силу осеннее солнце.

– Не смотри, – повторила она, налегая на шест. – Нам уже недалеко.

Там, где лодка покинула заросли, на поверхности появилось тело.

Труп медленно перевернулся, словно ворочался спящий, замер, показывая небу коричневое лицо мумии, и начал тонуть. Он погружался совершенно беззвучно, Книжник слышал только свое хриплое дыхание с присвистом и как падают в воду капли, стекающие с шеста Белки.

По мере того, как «дюралька» удалялась, тело скрывалось из поля зрения Тима, и наконец-то он смог отвести взгляд от омерзительного и замораживающего одновременно вида болотной мумии.

Но это было еще не все. Водоросли в нескольких метрах от лодки закачались, словно под густой зеленой пеной несколько раз вздохнул кто-то огромный, а потом на воде возник бурун – водяной горб на поверхности болота. Горб двигался стремительно, вычерчивая на черной глянцевой поверхности промоины траекторию. Вода в месте исчезновения трупы вскипела пеной, в которой трудно было что-то разглядеть, водоворотом – мощным, быстрым – и в этом водовороте на какие-то доли секунды Книжник, привставший от ужаса, разглядел пятнистый глянцевый бок, переливающийся красками от серо-стального до бордового.

Над поверхностью раздался совершенно непередаваемый клекот, переходящий в низкое, почти на грани слышимого шипение, такое омерзительное, что Тим непроизвольно закрыл уши руками и свернулся калачиком на дне лодки.

Белка продолжала монотонно толкать лодку. Она не обернулась на звук, только повела плечами, как будто ей на мгновение стало холодно.

– Ты... ты... Ты видела? – выдавил Книжник, показывая ей за спину дрожащей рукой.

– Это снейк, небольшой, – сказала она спокойно. – Их тут много. Попался бы большой, пришлось бы отбиваться гранатами. Большой может лодку сожрать.

Книжник попробовал проглотить сгустившуюся слюну и не смог. Ему было трудно представить снейка, способного сожрать «дюральку».

– Почему они никогда не нападают на Парк? Они же рядом?

– В болоте для них еды на много лет, а без воды они сдохнут за пару часов.

– И как ты жила рядом с этим?

– А как ты жил рядом с этими? – она махнула рукой туда, где над деревьями все еще клубился дым. – Быть животным здорово, да, Книжник? Рожать ублюдков от вождей – это клево, Книжник? Да мне рядом с мертвыми и снейками было лучше, чем с вами!

Черты лица ее заострились, стали еще более резкими, волосы в лучах восходящего солнца горели ярким рыжим огнем, глаза гневно сверкали.

– Выжить можно только вместе, – промямлил Книжник, заученные с детства фразы Закона. – Так решил Беспощадный...

Белка смотрела на него так, что ему захотелось провалиться сквозь дно лодки.

Внезапно лицо ее смягчилось.

– Беспощадный, – передразнила она Тима. – Я четыре года живу одна, Книжник. Посмотри на меня! Я жива! Я не раздвигаю ноги перед похотливым Свином! Я не вынашиваю щенков для того, чтобы они служили вождям! Могло быть совсем по-другому, Книжник! Могло быть совсем по-другому! Жить вместе – это не значит быть животным у сильных! Ты же читаешь книги! Ты же знаешь, что люди не всегда жили так!

– Раньше не было Беспощадного!

– У каждого времени свой Беспощадный! – отрезала она. – И у каждого времени есть те, кто согласен так жить! Поэтому я и пришла за тобой, Книжник... Если что-то и может изменить Закон, то это уход Беспощадного. И я готова сдохнуть, если сдохнет он...

Глава четвертая

Пустоши

Отряд охотников изрядно потрепало взрывом. Двоих челов ранило осколками, а одного так приложило взрывной волной о дерево, что он оглох и в ответ на вопросы только мотал головой, вытирая сочащуюся из ушей кровь.

Вожди не пострадали, и Шустрый с компанией особенно не пострадали, но раненых и контуженного пришлось отправить домой, что сократило группу преследования. То, что осталось от Грустного, похоронили тут же, на берегу, завалив неглубокую яму стволами упавших деревьев, чтобы хоть как-то затруднить работу падальщиков.

Вырыть настоящую могилу не смогли – на глубине полутора футов углубление заполнялось коричневой, остро пахнущей жижей: Болото высывало свои щупальца на берега.

Вместо Шамана последнее слово покойному сказал Шустрый.

Слово получилось коротким. Шустрый не был оратором, да и говорить было нечего – Беспощадный получил Грустного на два года раньше, чем полагалось. Грустного это уже не могло огорчить, Беспощадного должно было радовать.

Потом отряд выступил в путь.

Решение принимали Вожди, скорее по наитию, чем по трезвому расчету. Соображения были лишь у Бегуна, его вариант и приняли к действию.

Берега Болота никто толком не знал, понятно было, что его надо обойти или справа, или слева. Выбрали обход справа, просто потому, что справа было ближе к Сити – развалинам небольшого города, находившегося рядом с Парком.

Для Паркового племени Болота всегда были табу.

На восток не ходили ни разведчики, ни охотники. Охотничьи угодья простирались южнее, на северо-восток, через Пустоши, челы ходили в набеги на Сити, с племенем которого Парк всегда воевал.

По возможности, во время набегов челы захватывали новых герл, пытались найти что-то полезное в домах в Даунтауне и сбежать к себе живыми.

В ответ племя Сити тоже делало набеги на Парк, захватывая герл и бэбиков. Иногда племена находили между собой общий язык и искали общего врага, но чаще соперничали.

Бегун был уверен, что Белка и Книжник Сити миновать не смогут, потому что за Сити находился Таун, а единственный мост, который уцелел и по которому можно было переправиться через реку, как раз и соединял Сити с Тауном. Таун был для Паркового племени Концом Мира на востоке – дальше продвинуться не удалось!

Здесь челы Паркового племени были с набегамми несколько раз, и об этих славных победах слагались песни, которые герлы пели бэбикам на сон грядущий. Таун был полон добычи. При определенном навыке и удаче здесь можно было найти все! В городе были десятки магазинов с оружием, инвентарем, аптеки и просто огромные супермаркеты с разного рода ништяками, которые ценились чрезвычайно. Можно было не искать магазин, а просто грабить квартиры – в них челы находили множество полезных вещей. Миллионы квартир в стремительно ветшающих домах-башнях были полны сокровищ, только вот добраться до них стало со временем очень трудной задачей.

Племена, населявшие город (а таких племен образовалось несколько, ведь Таун был очень большим!), были осторожными и свирепыми и тщательно охраняли свои угодья, несмотря на то, что сокровищ, разбросанных по городу, хватало бы всем. Здешние челы были экипированы лучше всех, и о богатстве обитателей Тауна среди жителей окрестностей ходили легенды.

Для набегов на Таун Парковые несколько раз объединялись с племенем Сити и возвращались с богатой добычей, но потом племена Тауна начали совместно минировать Мэйн-Бридж, подходы к мосту простреливали снайперы и устраивать набеги стало слишком сложной задачей. Теперь в Таун надо было проникать хитростью, просачиваться по ночам через минные заграждения, и даже преодолев первый рубеж обороны города, расслабляться не приходилось: каждую минуту можно было ждать или выстрела в спину из-за угла, или взрыва под ногами, или пленения.

В любом случае, двигаясь на восток, Белка с напарником должны были оказаться у Мэйн-Бридж, иначе им реку не пересечь, а значит, они обязательно окажутся между двумя огнями: челами Сити и челами Тауна.

«Главное – не опоздать, – подумал Бегун, шагая сразу за авангардом отряда, – и постараться перехватить их на территории Сити».

Сейчас во взаимоотношениях с племенем Сити был не самый лучший период, но Бегун был уверен, что договорится с ними о временном мире для поимки беглецов. Как заключить союз, не говоря правды о беглецах, Бегун пока не знал, но был уверен в том, что что-нибудь придумает.

* * *

Лодку решили на воде не оставлять. В одиночку бы Белка ее на берег не вытащила, а вдвоем осилили. Отволокли к ближнему кустарнику, замаскировали, прошлись, заметая следы, но совершенно заглазить борозду, оставленную днищем на влажной почве, не удалось.

Потом началось самое трудное, потому, что тащить на собственном горбу груз под сто фунтов – это сложнее, чем вместе с этим грузом плыть в лодке, хоть по страшному и опасному Болоту.

Через полмили такой ходьбы Книжник ощутил настойчивое желание застрелиться. Или сдать в плен, что было хуже, чем застрелиться. В общем, хотелось умереть, потому что тащить рюкзак весом почти с себя казалось невозможным: на каждом шаге Тима водило из стороны в сторону, и он не шел – тащился вслед за Белкой, неуверенно переставляя отяжелевшие ватные ноги.

Девушка тоже сбавила ход, сгибаясь под тяжестью ноши. Было понятно, что с таким грузом им далеко не уйти, но выбросить хоть что-то было жалко. За день они прошли шесть миль с тремя привалами, и это при том, что тропа, по которой они передвигались, могла считаться прогулочной.

К закату, когда солнце уже наполовину скрылось за горизонтом и перестало пригревать затылки, они вышли к старой дороге. Бывшее четырехрядное шоссе вилось среди полей, сливаясь с густым зеленым ковром, укрывающим округу насколько хватало глаз. Кое-где в этом ковре уже проскакивали желтоватые оттенки начавшейся осени, кое-где виднелись выгоревшие под летним зноем проплешины пожухшей травы, только бетон был практически не виден, и хайвэй угадывался лишь по остаткам ограждения да по покосившимся остовам столбов освещения, все еще торчащих на разделительной.

Несмотря на дикую усталость, Книжник не поленился открыть атлас и свериться с картой. Это пришлось делать по столбику на обочине с едва читаемыми цифрами «32» на сгнившей почти до прозрачности табличке.

– До Тауна 32 мили, – сообщил он Белке.

Она кивнула.

– Чего хромаешь?

– Ногу растер...

– Покажи.

Когда утром Белка разрешила ему помыться в бочажке с чистой водой, неподалеку от Болота, Книжник заодно помыл свои выдавшие виды ботинки и обул их на босу ногу – носки после ванны из фекалий пришлось выбросить. В общем, правую ногу он основательно растер.

– Так, – сказала Белка. – Снимай второй. До утра ничего на ноги не надевай.

Из своего необъятного рюкзака она выудила жестянку, заполненную черной, пахнущей травами массой, и намазала ему стертые места.

– Если чего надо сделать – делай тут, – приказала она. – Вокруг много ржавого железа. Поранишься – скорее всего, сдохнешь.

С Пустошей, простирившихся направо и налево от шоссе на сотни миль, дунуло вечерним ветерком и сразу стало понятно, что ночь будет прохладной: ветер нес в себе дыхание близкой осени, первых холодов, пахнул созревшими травами, поздними цветами и чуть прелой листвой.

Девушка понюхала воздух, убедилась, что дождя не будет и расстелила на выбранном месте карематы, а поверх них – спальные мешки.

– Мешки легкие, – пояснила она просто. – На холода не рассчитаны, до зимы мы с тобой все равно не дотянем.

Белка полезла в карман рюкзака и вытащила пакет с сушеным мясом – жестким, покрытым соевым белесым налетом. Книжник оторвал от мясной ленты кусок, попробовал разжевать, поморщился, но есть хотелось страшно. Возможно, мясо было вкусным, если вымочить его в воде и отварить в похлебке. Но жевать его так...

– Только это и лепешки, – Белка развела руками. – Ешь, что дают. Костер сегодня разводить не буду, могут заметить фермеры. Сами по себе они люди мирные, но когда здесь появятся наши соплеменники, то сдадут они нас за милую душу. У них Закон – это ни во что не вмешиваться. Нас они спасать не будут, но и убивать не станут. Просто будут глядеть, как нас убивают Вожди...

Фермеры жили на Пустошах, возделывали сохранные от наступления прерий куски земли, выращивали злаковые и овощи, пасли немногочисленные стада. Они не ссорились ни с кем, зато со всеми торговали – меняли собранное и выращенное на оружие, патроны, ножи и всякого рода ништяки из города. Несколько раз их пытались взять к ногтю племена Сити и Тауна, несколько раз их пытались поработить Вожди Паркового племени, но фермеры оказались ребятами не промах и отбили от обоих противников с максимальной эффективностью и жестокостью. А потом прикрыли торговлю. Каждый, кто приближался к их поселениям, получал дождь из свинца и уносил ноги, если повезет. А везло далеко не всем. Агрессоры посидели годик без муки, без свежих овощей, образумились, после чего между племенами и фермерами установился хрупкий мир на коммерческой основе.

Сейчас Книжник и Белка находились на землях фермеров, но вдали от их полей и огородов – здесь были выпасы и корралы для скота. Белка уже заходила сюда не раз, да и Книжник проходил, когда Парковые делали набег на Сити.

– Нам сейчас никому не надо на глаза попадаться.

– Такими темпами нам до Сити дней пять... – невнятно пробормотал Тим, пытаясь размягчить жесткий, как подошва, кусок солонины, перетирая его челюстями.

– Больше, – сказала Белка, усаживаясь рядом.

Она протянула Книжнику самодельную лепешку, которая была немногим мягче сушеного мяса.

– Завтра мы будем еще более усталыми. Послезавтра – вообще валиться с ног. Неделя, если ничего не случится... И то, если мы срежем путь.

– А без этого?

Он показал на рюкзаки, лежащие в траве.

– За полтора дня, если у тебя к утру заживет нога. Но мы будем без патронов и без еды, а это все равно, что мертвые.

– Будем охотиться, Белка, – сказал Книжник. – Возьмем с собой минимум и тогда дойдем.
– До Сити, – кивнула она. – А что дальше? А если придется пробиваться? Как мы попадем в Таун? Как перейдем Мэйн-Бридж? Сколько обойм мне с собой взять? Три? Пять? А что, если бой?

– Белка, – сказал он грустно, – мы не дойдем с таким грузом. Нет шансов. Ты сильная, но ты не лошадь. Да и я не конь.

Девушка на миг замерла, даже жевать прекратила, а потом ухмыльнулась криво.

– Что? – спросил Книжник.

Она откусила от лепешки край и громко цокнула языком. С ближайшего дерева пулей слетел ручной зверек и тут же, получив лакомство, уселся на плече девушки, усиленно работая челюстями.

– Ты подал мне идею.

– И что ты решила?

– Нога болит? – спросила она внезапно.

– Меньше. А что?

– Обувайся. Есть дело.

– Куда ты собралась?

– Мы собрались, – поправила Белка. – Мне кажется, что нелишним будет сходить в гости к фермерам, если уж мы забрели в эти места. Есть тут у меня один старый знакомец, живет неподалеку... Все лучше, чем в лесу ночевать, да и разговор у меня к нему будет. Эва, жена его, готовит вкусно, не пожалеешь. Но придется еще мили две отмахать. Как раз к закату успеем. Что скажешь, Книжник?

* * *

Они действительно умудрились успеть к закату, хоть Книжник и хромал на обе ноги и кряхтел на самом незаметном подъеме. Миль получилось не две, а чуть больше, но когда они увидели впереди низкую зеленую стену, окружавшую ферму, это уже не играло никакой роли.

Ворота оказались заперты, изнутри раздавался басовитый угрожающий лай.

– Вольфодог? – спросил Тим.

– Точно, – Белка кивнула, пытаясь рассмотреть хоть что-то через щели в заборе, но плющ за лето затянул ограду так, что взгляд терялся в зеленых завитках. – Даже если Эва дома, она не откроет. Наверное, стоит у пулемета... Мало ли кто забредет?

– А забредали?

– А как же! Только у фермеров с этим все налажено. В случае нападения зажигают специальный костер, дым – столбом, видно на десятки миль. А дальше остается только дожидаться прихода основных сил. Сигнал тревоги передается по цепочке. Через сутки имеем триста стволов, причем конных.

– А если ночью?

– Сигнальные ракеты в закладке. Достаточно дернуть шнур. У них все правильно продумано, Книжник. Иначе бы давно не было бы фермеров.

Вольфодог заухал совсем рядом, за стенкой. Слышно было, как в нескольких шагах топчется и дышит немаленькая зверюга. Из капюшона худи высунулся перепуганный ручной грызун, огляделся вокруг, пискнул робко и снова спрятался в импровизированную нору.

– Может, покричать? – предложил Книжник, который больше всего на свете хотел сесть. А еще лучше – лечь и задрать вверх наболевшие ноги.

– Ага, – ухмыльнулась Белка. – Покричи. Перестань говорить глупости.

Она подтащила рюкзаки поближе к воротам и улеглась, но так, чтобы видеть и подходы к ферме, и створки.

– Ну? Чего стал? Ложись. Будем ждать хозяина.

– А если он не придет?

– Значит, не придет. Тут и заночуем. Лезть на ферму я не буду.

Но ночевать под забором не пришлось.

Через четверть часа, когда закат начал медленно превращаться в сумерки, со стороны поля раздалось мычание и топот копыт.

Ферма стояла на небольшой возвышенности, ближайшая посадка была заботливо вырублена, для верности еще и выжжена, чтобы не закрывать обзор. На Пустошах не любили строиться вплотную к лесу и это было весьма разумным решением. Любой, кто направлялся к ферме, будь то гость званый или незваный, был как на ладони. И сейчас Книжник с Белкой наблюдали, как фермер гонит домой стадо. Оно было небольшим – пяток коров, бычок, трое телят. Сам фермер восседал на рыжей лошадке, не особенно высокой, но крепкой.

– Поднимись! – приказала Книжнику Белка. – Пусть он нас видит. Может, Эва уже его как-то предупредила... Но если нет – не стоит появляться внезапно. Тут этого не любят.

– Этого нигде не любят, – проворчал Тим, вставая.

Завидев у ворот гостей, фермер обогнал стадо и вытащил из седельной кобуры дробовик. Он хотел бы выглядеть грозным, заросшим до ушей волосом мужиком, но был тем, кем был – челом лет шестнадцати, широким в плечах, загорелым, со смешной клочковатой бородой непонятного цвета. В седле он сидел как влитой – это даже Книжник понял, хотя нечасто видел всадников в районе Парка.

Фармер пустил лошадь боком, положив дробовик на луку седла так, чтобы ствол смотрел в их сторону, и высвободил ногу из стремя, готовясь в случае чего нырнуть за лошадиный круп.

Белка выступила вперед, размахивая над головой руками, но в сумерках разглядеть лица было сложно, и фермер крикнул, пригнувшись:

– На месте стой!

Девушка замерла. Книжник тоже на всякий случай поднял руки вверх.

Стадо пошло к воротам. Гремели колокольчики на шеях у коров, налитые молоком вымена тяжело колебались при ходьбе. Тим опасливо смотрел на рогатые создания.

В Парке держали свиней, но кормить их особо было нечем, и свиньи были худые, мелкие и злобные, сами могли сожрать кого угодно. Вот кур и гусей разводили более успешно. Раньше держали и кроликов, но после мора, когда огромное поголовье вымерло за пару дней, Шаман запретил это делать. Так что с крупной домашней живностью в Парке не сложилось.

Зато сложилось у фермеров.

Они разводили и птицу, и свиней, и кроликов. А коровы... Ходячие мясные глыбы с печальными мордами! Фермерские коровы были огромны! Куда больше диров! От них странно пахло: приятно и неприятно одновременно, бока их были раздуты...

В общем, Книжнику от соседства таких здоровых животных было не по себе, хотя они ему нравились.

Зато фермеру явно не нравилось присутствие чужаков рядом с домом. Он оставил стадо толкаться за спиной, а сам медленно приближался к незванным гостям, не снимая их с прицела.

Метрах в десяти он наконец-то узнал Белку.

– А... Это ты, Белка?

– Я, я, Том...

– Кто с тобой?

– Его зовут Книжник. Я за него ручаюсь?

– Парковый?

– Бывший, – сказала Белка, и Книжник наконец-то опустил руки. – Как и я...

Фармер убрал ружье в кобуру.

– И сейчас ты скажешь мне, что тебе нужен ночлег? – он склонился к луке седла.

– Угадал, Том.

– И что ты со своим дружкой голодна?

– Снова угадал.

– Иногда я жалею, что сразу не послал тебя к Беспощадному, – ухмыльнулся фермер. – Ты всегда приходишь не вовремя...

Он явно хотел выглядеть крутым челом, а был обычным усталым фермером, прошедшим весь день под безжалостным солнцем Пустошей, и ему хотелось домой.

– Что поделать, Том? – отозвалась Белка с той же интонацией. – В наше время гости – всегда не вовремя. Пора к этому привыкнуть.

– Значит, придется пригласить вас в дом... Скажи мне честно, Белка, за тобой идут?

– Да, Том.

– Их много?

Она покачала головой.

– Не знаю. Думаю, что не менее двух дюжин. Нескольких мы убили, но это их не остановило.

Том спешился, перебросил поводья через голову лошади. Том видел, что фермер думает, как ему поступить.

– Кто за тобой идет, Белка? Нога, Бегун, Облом и Свин?

– Нога уже никогда никому плохого не сделает...

– Будь сыт, Беспощадный... – он приложил два пальца левой руки (указательный и средний) ко лбу. В Парке никогда так не делали. И не говорили. – Твоя работа?

Белка кивнула.

– Они далеко? – спросил фермер. – Как сильно ты оторвалась?

– День пути. Это самое малое. Им нужно обойти Болота, а мы переплыли их на лодке.

– Завтра утром ни тебя, ни его не должно быть в моем доме, – сказал Том серьезно. – Эва снова беременна, а они хотят твоей крови. Мне не нужны неприятности.

– Живи вечно, Том. Спасибо. Утром мы уйдем.

– Заходите, – буркнул он и зашагал к воротам, которые начали медленно распахиваться при его приближении. – Только аккуратнее, я посмотрю, привязала ли Эва Клыка.

* * *

Дорога в обход Болота всегда была не сахар.

Каждый раз, выходя на набег, Бегун знал, что на отрезке пути до Сити хоть кого-то да потеряет.

Это была обязательная жертва, словно Беспощадный собирал дань за проход к Пустошам.

После того, как мина в доме Белки прикончила Грустного, Бегун подумывал, что в этот раз их пронесет, но не пронесло.

Солнце уже спряталось за горизонт, пора было останавливать отряд на привал и Облом начал высматривать место для стоянки. Охотники порядком подустали, а наутро предстоял еще один переход.

Бегун почувствовал, как начинают гудеть ноги и внутри походных ботинок словно угли разгораются – так пекло стопы.

Место было знакомое. За невысоким кустарником должна была открыться поляна, обширная, поросшая низкой цепкой травой. На ней и надо останавливаться: достаточно далеко от Болота и достаточно далеко от леса, откуда тоже можно было ждать неприятностей.

Охотники шли впереди и сзади Вождей, и когда Кыш споткнулся, он буквально упал Бегуну под ноги. Упал ничком, сразу же вскочил, опираясь на колено, и снова упал, на этот раз на бок. Бегун рассмотрел выражение безграничного удивления на его круглом лице.

Рядом с упавшим сразу оказались несколько челов, подхватили его под руки...

– Стоять! – приказал челам Облом из-за плеча Бегуна. – Кыш, посмотри на меня! Кыш! Прошу, посмотри!

Кыш поднял на вождя взгляд, по-прежнему непонимающий, растерянный, и Бегун увидел, как едва заметно *течет* его лицо. Казалось, что круглая румяная физиономия Кыша не состоит из плоти, а вылеплена из воска, тающего в потоке горячего воздуха, оплывающего, теряющего форму.

– О, черт! – выдохнул Облом, шагнув вперед. Голос у него задрожал.

Можно было ругаться, можно было молиться, но помочь Кышу было невозможно. Когда за человеком приходит Беспощадный, ему ничем нельзя помочь. Разве что пристрелить.

– Это все, бро? – спросил Кыш у Облома заплетающимся языком. – Это он?

Облом кивнул.

Кыш был ему не чужой. У них была одна мать.

Пока охотники несли Кыша к месту привала, Облом шел рядом и держал брата за руку. Лицо у него было растерянное. Он явно не знал, как себя вести. Вождь должен быть крут, он не должен ни сочувствовать, не переживать. Он – Вождь, остальные должны слушаться и служить ему! Но даже не знавший жалости Облом почувствовал нечто похожее на грусть и страх.

Пришедший за его старшим братом заглянул к нему в душу (если это, конечно, была душа) своим мертвенным, равнодушным взглядом идохнул в лицо ледяным, колким предчувствием смерти.

Охотники тоже притихли.

Приход Беспощадного пугал челов, напоминая, что завтра, послезавтра или через неделю...

А может, через месяц или через минуту...

Пугала не смерть от болезни, ранения, ножа соплеменника или пули вождя, не гибель на охоте – к такому челы привыкали с первых дней жизни и были готовы встретить в любой момент.

Пугал именно Беспощадный – совершенно предсказуемый и неизбежный.

К нему невозможно было привыкнуть, потому что он каждый миг напоминал о себе – погребальными кострами, мертвыми телами в заброшенных домах, трупами в болотах, разваленными городами, заросшими шоссе, язвами разрушенных заводов. Мир вокруг был напомианием о его могуществе. Это был его мир, люди всего лишь служили пищей всесильному. Как выпущенная из лука стрела всегда найдет куда вонзиться, так Беспощадный приходит к челу или герле в тот момент, когда те еще полны сил и жизни, чтобы выпить их до дна.

Бегун много раз видел, как Беспощадный высасывает свою жертву. Он даже помнил, как тот убивал его мать – память почему-то сохранила именно этот момент из воспоминаний бэбика. Потом он много раз видел подобное.

Сейчас Беспощадный возьмется за дело всерьез.

Через четверть часа вместо Кыша на каремате будет лежать мужчина средних лет. Его будет корежить и крутить, он будет гореть в лихорадке, тело будет проживать годы за минуты. Лицо покроется морщинами, седина выкрасит голову и тут же слезет, оставив за собой голую шелушащуюся кожу. Суставы на руках и ногах распухнут, пальцы скрючит, ногти станут желтыми и бугристыми, потускнеют слезящиеся от жара глаза, начнут вываливаться зубы, темные пятна побегут по коже, мышцы высохнут...

Через три четверти часа старик, недавно бывший Кышем, забьется в агонии и засипит, как пробитый мех. Истрепанное сердце будет тщетно стучать изнутри в частокол из хрупких

ребер, легкие заполнятся мутноватой жидкостью, дыхание захлебнется в ней, утонет, и дряхлая развалина забулькает, как газ, выходящий из болотной жижи...

И умрет.

От этого нет спасения.

Что бы ты ни делал, Беспощадный придет за тобой и сожрет твою молодость, зрелость, старость и превратит тебя в мумию за три четверти часа после того, как отсчитает восемнадцать зим.

Три четверти часа на всю жизнь от восемнадцати до смерти, которую ты проведешь в горячечном бреде...

Погребальный костер они сложили уже в полной темноте, чтобы дым не был виден за много миль. Деревья, даже сухие, отсырели от близости болота, ветки разгорались плохо, но потом пламя разгулялось, пожирая тело, едва видимое в хороводе из искр и языках оранжево-синего огня.

Ночь Бегун провел беспокойно. Он прислушивался к своему телу, засыпал, и вскакивал с бьющимся сердцем – ему снилось, что...

В общем, неважно.

Ему до встречи с Беспощадным оставался год. А если Книжник не врал, то больше. Гораздо больше. Он вспоминал об этом и снова проваливался в сон.

А Облом сидел у мерцающих углей до самого рассвета.

* * *

Эва оказалась маленькой темноволосой герлой с живыми глазами, двумя рядами порченых зубов и сильно беременной. Несмотря на солидный срок, она бегала по дому проворно, переваливаясь, как раскормленная утка. Тут же, в огромной комнате, объединявшей кухню, гостиную и спальню, возились их с Томом бэбики – трехлетний мальчик (возраст Книжник определил по отметкам на предплечье) и девочка, еще не разменявшая вторую зиму. Дети были очень похожи на мать – такие же темноволосые, круглоголовые и шустрые.

Глядя на то, как носятся по полу неугомонные бэбики, Книжник не мог понять, когда Эва успевает заниматься немаленьким фермерским хозяйством.

Нельзя сказать, что Эва была рада гостям, но внешне она старалась неприязни не проявлять. Подала на стол горячую похлебку, томившуюся в печи в ожидании прихода хозяина, нарезала ломтями вкуснейший хлеб, поставила перед гостями соль и зелень, тушеного кролика и несколько вареных вкрутую куриных яиц. Немного подумав, достала из шкафчика бутылку с самодельным виски.

Тему побега Белки и Книжника из Парка тщательно обходили. Том не хотел знать лишнего – люди пришли, люди ушли, а ему еще здесь жить.

Один из главных принципов фермеров – не поддерживать никого, кроме своих, не участвовать ни в каких войнах, кроме как за своих, – нарушать их было себе дороже. У Тима сложилось впечатление, что во время ужина хозяин несколько раз пожалел, что впустил беглецов в свою крепость, да и Эва явно не светилась радостью.

Книжник мог понять их беспокойство.

По дороге Белка рассказала ему, что Тому и Эве оставалось не более двух лет для того, чтобы подрастить детей и родить еще хотя бы одного. За год до прихода Беспощадного бэбиков надо будет отвезти на Большую Ферму, где их воспитанием и безопасностью займутся те, кого назначил Совет. А вместе с Томом и Эвой домой вернутся двое кидов подходящего возраста, которых положено обучить ведению хозяйства. Они и унаследуют ферму, после того как...

В общем, все начнется сначала.

Все расписано, все спланировано, все понятно. И нет резона гибнуть от рук разъяренных парковых только потому, что рыжая герла по имени Белка, непонятная, кстати, герла, нарушившая Закон своего племени, когда-то приходила к тебе менять ништяки на еду.

Зато дети с большим интересом рассматривали чужаков, а когда из капюшона худи гостьи выскочила ручная белка, то бэбики отталкивая друг друга, лезли к девушке на колени. Зверек совершенно их не боялся, грыз угощение, явно наслаждаясь семенами подсолнечника, которые насыпала перед ним Эва.

Поели с удовольствием, жадно и быстро, выпили немного, но и от этого «немного» вымотанного Тима повело и начало клонить в сон. К счастью, хмель быстро прошел, наверное, потому, что похлебка была жирной. Ему было хорошо в этом доме. Похоже, это был первый дом в его жизни. Не укрытие, где спят или переживают опасность, а место, где пахнет уютом, хорошей едой, растопленной печью, свежим деревом от мебели и лепешками из ржаной муки. В Парке нигде так не пахло. Даже на кухне.

Книжник тряхнул головой, потер кулаками воспаленные от недосыпа глаза и широко зевнул, едва не выломав челюсть.

– Что? Сморило? – спросил Том, ухмыляясь. – Давай-ка еще по стаканчику!

И они выпили.

От этого дополнительного стаканчика Книжник как-то сразу протрезвел и расхотел спать, а Том – наоборот.

Эва увела детей в дальний угол – укладывать спать. Стало ясно, что и гостям пора отправляться на боковую.

– Пошли, – сказал хозяин, вставая, глаза у него слипались. – Устройтесь в старом амбаре. Я там давно зерна не держу, зато трава есть скошенная, так что будет мягко. Утром Эва вас накормит, даст еды на дорогу – и в добрый путь! Как мы договорились, Белка. Я вас не видел, вы меня не видели. Живите вечно, дорогие гости!

Он распахнул перед ними двери амбара.

– Ежели надо по каким делам, то сходите сейчас. Вот туда! – Он показал рукой, куда. – А ночью во двор лучше не выходить. Сейчас мы с Эвой коров подоим и выпустим Клыка... А Клык у нас чужих не признает...

Он зевнул широко и, застеснявшись, прикрыл рот рукой.

– Ну все... Доброй ночи.

* * *

Амбаром назывался старый сарай, в котором раньше держали зерно. Теперь зерна здесь не было, стены снаружи заросли плющом так густо, что внутри стало сыро, от влажности на досках появился мох, но, судя по запаху, мыши отсюда так и не ушли, наверное, по старой памяти.

Белка расстелила карематы в углу, так, чтобы в поле зрения были и дверь, и небольшое окно, расположенное на противоположной стене, почти под самой крышей, и с видимым удовольствием уселась, сняв обувь. Автомат лежал по правую руку от нее, и Книжник рассмотрел, что предохранитель оружия опущен в позицию стрельбы очередями.

– Разувайся, – приказала она, вынимая из рюкзака ту самую жестянку с мазью. – Держи, сам справишься.

Тим нанес пахучую темную субстанцию на потертости и прислушался к ощущениям: саднящая боль сразу же ушла, ранки щипало, но не сильно.

– Спасибо.

Жирная мазь плохо стиралась с пальцев, но Книжник старательно вытер руки пучком старого сена и уселся, вытянув босые ноги перед собой. Это было по-настоящему здорово –

сидеть вот так расслабленно, в безопасности, с полным желудком, и шевелить пальцами на ногах.

Белка отколола от сухой доски несколько толстых щепок, нашла трещины в подпорном столбе, подальше от сена, и, вогнав туда щепки, подожгла их трутом и огнивом. Стало гораздо светлее. Лучины горели медленно и ровно, чуть коптя, но исправно источая мерцающий красноватый свет.

От сытной еды и этого мерного мерцания снова очень захотелось спать, но Тиму стало стыдно, потому что Белка и ее ручной зверек, которому с хозяйского стола перепала еще и аппетитная хрустящая корочка фермерского хлеба, уселись у дверей караулить.

Зверек грыз лакомство, а Белка принялась набивать патронами магазин. Некоторое время Книжник рассматривал ее, а потом спохватился – неудобно же так откровенно пялиться на герлу, отвел взгляд, потом снова глянул исподтишка.

Свет от горящих лучин падал мягкий, казалось, что он разгладил даже острые черты лица девушки. Ну, если не разгладил, то смягчил. Книжник подумал, что будь она немного полнее, то была бы настоящей красавицей, даже с остриженными волосами. А если бы вместо неровно обкубанных волос отросли достаточно длинные... Впрочем, она и сейчас была симпатичной, хоть и походила больше на тина, а не на герлу.

Белка, наверное, почувствовала на себе его взгляд, подняла глаза от коробки с патронами, но Тим уже успел сделать вид, что разглядывает что-то на стене амбара.

Девушка закончила снаряжать магазин, отложила его в сторону и свободной рукой погладила бельчонка по голове. Тот в ответ звонко щелкнул несколько раз подряд, поднял на хозяйку довольную мордочку и продолжил пиршество.

– Как ее зовут? – спросил Тим.

– Это он, – отозвалась Белка, доставая из кармана рюкзака еще один пустой магазин. – Имя – Друг. Второй год со мной.

Услышав свое имя, Друг оторвал мордочку от лакомства и еще пару раз металлически щелкнул горлом.

– Едва выкормила. Думала, поправится – убежит. Остался.

Она улыбнулась углом рта.

– Наверное, понял, что вдвоем веселее...

– А как ты столько лет живешь одна?

Она зыркнула на него быстрым и недобрый взглядом. Книжник уже понял, что его спутница не очень любит скрывать эмоции – вопрос оказался ей неприятен.

– Ты не хочешь, не отвечай... – он быстро пошел на попятный, уступая, скорее, по привычке, чем от испуга навлечь на себя ее гнев. Это раньше он бы опасался получить оплеуху, а после событий последних дней оплеухи казались ему такой мелочью... – Не мое это дело. Но... – он замолчал на секунду, а потом все-таки продолжил. – Ведь тяжело же одной! А если заболешь? Или поломаешь себе что?

– А как ты столько лет прожил с ними? – спросила она, разглядывая Книжника прищуренным взглядом. – Ведь это страшнее, чем одному! А вдруг убьют за провинность? Или изнасилуют?

– Так я ж не герла! – удивился Книжник.

– Ну да... – согласилась Белка. – Не герла. Только Сунь-Выню, например, было все равно, кто ты... Было бы куда сунуть. Что мне светило в племени, Книжник? Стать еще одной телкой в стаде твоих дружков-вождей? Общей женой? Чтобы меня выдавали, как награду, за меткий выстрел на охоте? Рожать от первых кровей до прихода Беспощадного?

Она покачала головой и Тим увидел, как побелели ее костяшки пальцев – патроны один за другим входили в магазин: клац! клац! клац!

– Так что я уж лучше одна! Сначала тяжело, страшно даже... Но это только в первый год, а потом... Потом нормально. Тяжко было, пока училась жить без племени. А как научилась – впервые почувствовала, что такое свобода и счастье. Вот ты все эти годы знал, что такое свобода, Книжник?

– Знал. Ночью в Библиотеке!

– Среди книг и ночью? Когда твои хозяева спят? – спросила Белка и скривилась. – А что наутро, Книжник? Как ты чувствовал себя утром?

Ответить Тиму было нечего.

Он хорошо помнил, что такое ждать утра. С ужасом ждать. Потому что племени не нужно его умение складывать черные жучки букв в слова. Племени было нужно совершенно другое. Меткость, например. Скорость в беге, если ты в загоне. Ловкость. Умение бить рыбу острогой. Если бы Тим не умел ремонтировать почти все, что ломалось, вожди давно прогнали бы его. Или убили – так было бы проще.

– Я бы тоже ушел... – промямлил Книжник наконец-то. – Да некуда было.

Он понимал, что сейчас врет. Совершенно глупо и откровенно врет. И Белка об этом знает или, по крайней мере, догадывается.

Никуда бы он не ушел, и не потому, что было некуда.

Ему, несмотря на все случившееся, и сейчас было тяжело осознавать, что племя для него потеряно навсегда. Он не мог свыкнуться с мыслью, что остался один на один с лесом и пустошами, и чувствовал себя, как голый на морозе – хотелось скукожиться и прикрыть пах руками.

А ведь сейчас Книжник был не один.

– Мне тоже было некуда уходить, – сказала Белка. – А уж как я боялась! Просто иначе не могла. Выбор был – или уйти, или умереть. Я не могла смириться, хотя мне было страшно до рвоты. А ты – смог.

– Прости...

– Забей, Книжник. Я тебя не осуждаю...

Она отложила еще один снаряженный магазин, привалилась спиной к двери амбара, положила автомат на колени и чуть прикрыла глаза.

– Сколько людей сейчас в племени? Пятьсот наберется?

– Думаю, да.

– Четверо Вождей – пятьсот животных. Животные рожают детенышей. Животные приносят добычу. Животные безропотно работают. Одни животные сжигают других животных, а на место умерших приходят новые животные. И ни у одного из них, Книжник, даже у такого многого, как ты, и мысли не возникает, что можно жить по-другому.

– Но Закон говорит...

– Плевать что говорит Закон, если он несправедлив! Кто сказал тебе, что Закон один для всех живущих? У фермеров свой закон, у Сити – свой, у Тауна – свой. И все устроено по-разному! У фермеров нет Вождей, а правит Совет. У них есть семья, но чел может иметь столько герл, сколько сможет прокормить.

В Сити правят жрецы, в Тауне – шаманы, и каждый из них толкует Закон по-своему, как выгодно! Вообще, говорят, что когда-то все мы были одним племенем, и поэтому Законы у нас схожие. Но такого, как в Парке, нет нигде. Закон Парка придумали те, кто хотел от жизни только двух вещей: трахать герл и мучить тех, кто слабее.

– Как Сунь-Вынь...

– Ну, что-то вроде того, – кивнула Белка.

– Но если Закон так плох, то как наше племя выжило?

– Остальные тоже выжили, кто с Законом, кто – без. Выживать – это всегда тяжело.

Она дала Другу еще одну корочку (он принял ее с восторгом и тут же принялся грызть, держа новый подарок цепкими лапками) и продолжила:

– Но для того, чтобы выжить, необязательно быть животным.

– Раньше было такое слово – раб.

– Что это за слово?

– Оно означало человека-вещь. Раньше одни люди владели другими, могли их продать, поменять, убить, покалечить, заставить работать до полного изнеможения... Это было давно. Очень давно.

– Раб, – Белка попробовала слово на вкус. – Рабы. Так вот, Книжник... Необязательно становиться рабом, чтобы выжить. Хорошее слово. Спасибо.

– Не за что. Я знаю много ненужных слов, – сказал он, вытягиваясь на жестком каремате во весь рост. Ноги практически не болели, он ощущал, как мазь, высыхая, стягивает кожу.

– Ты много читал, Книжник?

– Я только и делал, что читал. С тех пор, как научился.

– Это трудно?

– Читать? – Тим улыбнулся. – Что ты... Нет. Гораздо легче, чем бегать по веткам, как белка, и таскать на себе огромный рюкзак, как лошадь.

При этих словах по ее лицу пробежала едва заметная тень, она на мгновение отвела взгляд, словно испугавшись чего-то.

– Ты можешь меня научить читать?

– Ты серьезно?

Книжник расцвел.

– Серьезно.

– Конечно, я научу тебя. Вот...

Он потянулся к своему рюкзаку.

– Завтра, – сказала Белка. – Мы учебу начнем завтра. А сейчас – спать. Ты мне нужен здоровым и сильным.

– А ты?

– Я лягу здесь, возле дверей.

– Зачем?

– На всякий случай.

– Ну, мне он показался мирным...

Белка задула лучины и в амбаре стало почти темно, только лунный свет, проникающий через окошко под крышей, освещал один из углов. Слышно было, как топает мощными лапами охраняющий двор Клык да трещат цикады за оградой.

– Это тебе для размышлений, – произнесла Белка негромко. – Я знаю Тома не первый день. Он младше нас с тобой на пару зим и, когда я пришла к нему в первый раз, он мне показался не челом – тином. Тогда я удачно сходила в Сити, принесла ништяков на обмен...

Она помолчала.

– В общем, я не заметила хвост и привела сюда трех челов из племени Сити. Одного из них он застрелил. Другого удалось убить мне. А третий получил пулю в колено...

– И?

– Том прибил его живьем к столбу на границе с Сити. Не поленился съездить и прибить. Спустил раненому кожу с плеч, перебил вторую ногу и оставил умирать на столбе, как пугало на кукурузном поле.

– А ты?

– Я ему помогла. Я держала пленника, пока Том прибивал его гвоздями. Он имел полное право застрелить меня, Книжник. Я привела к нему в дом чужих. Это была моя вина. Но я делала это не потому, что хотела искупить вину.

– А почему?

– Потому, что это было правильно. Он предупредил – не суйтесь. И другого способа сделать так, чтобы ему поверили, не было.

– Зачем ты мне это рассказала?

– Здесь нет мирных челов, Книжник. Ни одного.

Он улыбнулся сам себе. Она не могла разглядеть его улыбку.

– А я?

– Что ты знаешь о себе, Тим? – произнесла она устало. – Ничего! Спи.

– Но если ты никому не веришь, Белка, почему мы здесь?

– Завтра ты поймешь все сам. Спи.

– Живи вечно, Белка.

– Живи вечно, Книжник!

И он уснул.

* * *

Рассвет разгорался медленно.

С северо-запада дул холодный сырой ветер. Было зябко. Цикады умолкли еще под утро и вместо них надрывались лягушки, в изобилии водившиеся у ручья.

Книжник не спал.

Не спал не потому, что не хотел, просто ферма начинала жить и шуметь задолго до того, как солнце выкрасило горизонт всеми оттенками розового и пурпурного.

Сначала заорал петух, да так заорал, что Книжник подскочил над карематом как минимум на фут. Потом начали мычать коровы в хлеву – пришло время утренней дойки и молоко, заполнившее вымена, заставило их беспокоиться.

Слышно было, как Эва загремела мятыми ведрами, потом глухо пролаял Клык, звякнула цепь, на которую его сажали на день. В фермерском доме заплакал разбуженный ребенок.

– Пора.

Голос Белки прозвучал из полумрака – ее все еще скрывала тень.

– Как ноги, Книжник?

Он пошевелил пальцами.

– Лучше. Не болят.

– Это хорошо. Обувайся.

Он нашел ботинки и натянул их на ноги.

– Готово.

– Где твой пистолет?

– Пистолет?

Он вспомнил об оружии, которое досталось ему от Ноги.

– Ага...

Кобура нашлась рядом с рюкзаком, под курткой.

– Тут.

– Проверь.

Он покрутил влажный от влаги пистолет в руках и вытер его полый свитера.

– Вроде, в порядке.

– Ну и хорошо. Пошли.

Он услышал шаги, потом дверь распахнулась – в амбар хлынул ровный и розовый утренний свет.

Он встал и нащупал лямки рюкзака.

– Рюкзак оставь, – приказала Белка.

Она тоже была налегке, даже без куртки, несмотря на зябкое утро. Джинсы, худи, автомат в руке.

– И в случае чего не высовывайся, за мной держись.

– А что такое может случиться?

– Ничего. Просто не высовывайся.

Они пошли к дому через внутренний двор – Белка впереди, Книжник плелся сзади.

Эва заметила их от дверей коровника и помахала свободной рукой:

– Заходите в кухню, завтрак готов!

Том уже завтракал, сидя за большим струганым столом. Перед ним стояла глубокая миска с кукурузной кашей, обильно сдобренной пахучим свиным салом, и кружка горячего молока. Рот фермера был занят едой, поэтому приветствие он прорычал неразборчиво.

Пахло от каши так, что в животе у Книжника заурчало, словно вчерашнего плотного ужина вовсе не было. Он с наслаждением съел немаленькую порцию, запил все молоком и, не удержавшись, облизал ложку, словно оголодавший кид.

Том тоже закончил есть, а Белка оставила порцию практически нетронутой. Зато Друг выскочил из капюшона ее худи и наслаждался новой корочкой, сидя на самом краю стола.

– Эва подготовила вам еду, – сказал фермер, набивая табакотом деревянную трубку. – Найдете у входа.

Белка вынула из кармана два магазина, которые набивала вчера вечером, и положила их на стол, рядом с миской.

– Это вам. В благодарность. Живите вечно!

Том кивнул.

– Легкого пути.

– Есть разговор, – продолжила Белка, глядя фермеру в глаза.

– Говори.

Он подошел к печи и пошарил в углях короткой кочергой.

– Ты видел наши рюкзаки?

– Видел.

– Они слишком тяжелы для нас.

– Ну, это не проблема, – пожал плечами Том, раскуривая трубку от уголька. – Оставьте часть груза у меня. На хранение. Или... – он с удовольствием выпустил густой серый дым, – или, если не доверяете, просто заройте где-то в укромном месте. Я еще вчера удивился, увидев такие мешки. Ты и половину дороги до Сити не пройдешь, как Бегун уже будет висеть у тебя на загривке... Зачем ты столько несешь с собой, Белка? Покойнику не нужны ништяки.

– Зато живым надо платить за ночлег.

Она подбородком указала на лежащие на столе магазины и добавила:

– И за еду. И за проход по территориям.

– Сити не даст тебе проход по территориям, – возразил он. – Ни за какие ништяки. Ты у них как кость у Клыка в горле.

– Я знаю, – кивнула Белка. – Поэтому хочу сделать тебе предложение.

– Слушаю.

– Все, что в рюкзаках – твое. Мы поедем дальше налегке.

– Поедете? – переспросил он. – На чем?

– Ты продашь нам лошадей.

Он смотрел на Белку через табачный дым холодным, неприязненным взглядом, и Книжник подумал, что если бы вчера ему довелось увидеть, как Том может смотреть на собеседника, то он никогда бы не назвал его мирным человеком.

– Я не продам вам лошадей, – процедил фермер голосом, от которого остатки молока в кружке Тима едва не створожились. – Ты верно сбрендила, Белка. Лошади – это жизнь для меня и моей семьи. Забудь.

– У тебя шесть лошадей, Том. Продай мне двух, самых старых. Я заплачу тебе большую цену.

– Уходи, Белка, – сказал фермер. – Забирай своего дружка – и уходи. Мы вчера обо всем договорились. Еда у входа. Лошадей тебе не видать.

– Старый жеребец и плохонькая кобыла. Я отдам тебе все, кроме аптечки и двух сотен патронов. Там есть чем поживиться, Том. Ты не пожалеешь. Нам не уйти от погони на своих двоих.

– Это не моя забота, Белка. Можешь выбросить свое добро в ручей или зарыть. Сделки не будет.

– Жаль.

Она встала и протянула Другу ладонь. Тот немедленно взбежал на плечо и скрылся в своем излюбленном гнезде за ее плечами.

– Ты не оставил мне выбора, Том.

Ствол автомата смотрел фермеру в грудь.

– Не хватайся за оружие, я не хочу тебя убивать.

– Ты решила меня ограбить, Белка?

Она покачала головой.

– Я дам тебе справедливую цену за твоих лошадей, Том. Обещаю.

– Я не продаю лошадей, – сказал он. И буквально взлетел над столом, словно его вытолкнула вверх тугая пружина.

В руке Тома блеснуло серое лезвие длиной с добрый локоть, металл со свистом прорезал воздух. Белка отпрянула назад, опрокидывая стул вместе с сидящим на нем Тимом, который и привстать не успел. Острие меча прошуршало перед самым лицом Книжника, едва не разрубив ему нос, и тут он ударился об пол спиной, забил дыхание и остальные события наблюдал из положения лежа.

Она действительно не хотела убивать хозяина.

Нашпиговать его свинцом, как куропатку кашей, можно было одним движением указательного пальца, она же отразила выпад прикладом и стволом ударила Тома по ребрам. Удар получился сильный и точный, фермер буквально улетел в сторону, сметая по дороге тяжелые кухонные табуреты.

Теперь они стояли друг против друга.

– Перестань, – попросила Белка, держа Тома на мушке. – Давай не будем устраивать смертоубийства из-за лошадей.

– Ты пришла в мой дом, – прорычал фермер. Он покраснел, жилы на шее вздулись. – И обманула меня. Я впустил тебя в свой дом, а ты оказалась воровкой!

– Я ничего не взяла без спроса. Опустите меч, Том. Давай договоримся!

Тим почувствовал, что ему что-то впилося в поясницу, просунул руку и нащупал пистолет.

В дальнем конце комнаты снова заплакал ребенок, его разбудил шум драки. Через секунду к нему присоединился второй.

Лицо у Белки стало совсем нехорошим, каменным, на скулах заиграли желваки.

– Это всего лишь лошади, – повторила Белка. – Я щедро с тобой расплачусь. Предлагаю в последний раз, Том. У нас нет времени.

Фермер ослабилась, присел, смешно разведя колени, рука его совершила мгновенное движение, и Книжник, который в этот момент пытался вытащить из-под себя пистолет, не

успел заметить сам момент броска, но увидел лишь тень брошенного в сторону девушки самодельного меча.

Белка момент броска разглядела, развернулась боком, пропуская лезвие мимо себя, ствол автомата качнулся, теряя цель...

Том за это время успел проскользнуть мимо стола, перепрыгнуть через опрокинутый стул и ухватить лежащий на самодельном сундуке дробовик. Он тоже виртуозно обращался с оружием, но у Белки в руках были все преимущества: и позиция, и заранее спущенный предохранитель, так что автомат плюнул огнем до того, как фермер успел направить ствол в ее сторону.

Белка стреляла одиночными. Пуля угодила Тому в плечо, развернула и бросила на пол, но он крутнулся в воздухе с какой-то животной грацией и, удерживая оружие одной рукой, потянул за спусковой крючок.

Дробовик рывкнул, дробь ударила в стену и окно, вынося тонкую раму и старое мутное стекло вместе с ней.

И от этого громоподобного выстрела дети закричали по-настоящему.

Книжник увидел, как по щеке Белки словно когтем провели (одна из дробинок оцарапала девушке лицо и по коже тут же пошли алые разводы). Потом увидел выражение ее глаз, как она поднимает автомат, как ловит фермера на мушку, и понял, что за Томом пришел Беспощадный.

– Нет! – закричал он. – Не надо!

Белка выстрелила еще раз и пуля пробилась Тому горло.

Он завалился на бок, судорожно хватая воздух пальцами, и дробовик снова выпалил, но на этот раз в пол, проделав в досках основательную дыру.

Фермер упал почти на ноги Книжнику, несколько раз вздрогнул и затих.

Отчаянно кричали дети. Запах молока сменился острым запахом пороха и тяжелым кровавым духом. В воздухе кружились кусочки самодельного пыжа и деревянная пыль.

– Что ты наделала? – просипел Тим, пытаясь вздохнуть полной грудью. – Ты же его убила! Зачем, Белка?

Она повернула к нему свое бледное веснушчатое лицо и он увидел ее глаза – совершенно мертвые, холодные.

– Сопли вытри!

Книжник начал вставать, стараясь не вступить в разливающуюся кровь.

За окнами раздался неясный шум. Белка ногой отпихнула стул, перекрывавший проход, и взяла на мушку входные двери.

Двери распахнулись.

В Клыке реально было под двести фунтов веса. Он влетел в дом, словно мохнатый пушечный снаряд, сметая все на своем пути. Если бы Книжник оказался один на один с таким зверем, то умер бы от страха еще до того, как вольфодог сомкнул челюсти на его горле. Но он был не один, поэтому, когда зверюга прыгнула на них, едва коснувшись лапами стола, просто снова рухнул на пол, словно это могло его спасти.

Белка успела выстрелить в Клыка четыре раза, а потом резко упала на спину, пропуская заросшую жесткой серой шерстью тушу над собой. Вольфодог не мог изменить направление своего прыжка, и девушка, оказавшись у него под брюхом, выпустила очередь в грудь и живот зверя. Клык сделал немислимый кульбит в попытке поймать пули зубами, ударился об пол, попытался встать, но перебитый свинцом позвоночник превратил его в безногого. Он еще не умер, но жизнь стремительно вытекала из него через дыры в шкуре.

У дверей мелькнула тень.

– Не стреляй! – крикнула Белка. – Эва! Не трогай автомат!

Белка была стремительна, как атакующий снежок, но Эва, несмотря на беременность, тоже двигалась очень быстро – ее автомат лежал на самодельном рундуке у входа.

Белка прыгнула на нее в тот момент, когда та уже дотянулась до оружия, сбила с ног...

Короткая очередь ударила в потолок, потом автомат полетел в сторону, а Белка прижала Эву к полу, не давая двигаться.

– Я не хочу тебя убивать, – Белка тяжело дышала. – Сейчас мы возьмем лошадей – только двух лошадей – и уйдем.

– Лучше убей, – прохрипела Эва.

– Если бы твой муж послушал меня, то был бы жив. Я не хочу твоей смерти.

– Лучше убей меня, – заорала беременная. – Убей меня, сука! Убей!

Ноги ее заколотили по полу, тело выгнулось, и Белка едва ее удержала.

– Убей! Мне все равно не выжить одной!

Книжник все еще не мог поверить в происходящее.

– Закрой рот, – выплюнула Белка ей в лицо. – Я отпущу тебя, и ты пойдешь. К своим щенкам – слышишь, как орут? Выживешь, никуда не денешься. Не на тебя, так на твое хозяйство найдется охотник... Встала и пошла!

– Ты – нелюдь, – неожиданно тихо сказала Эва, перестав сопротивляться. – Ты же нелюдь.

Она глядела на Белку так, словно в первый раз ее видела.

– Мне нужны лошади, – повторила та с каменным лицом, но Тим видел, как в непроизвольном оскале подергивается ее верхняя губа, обнажая мелкие острые зубы. – Без них нам не выжить. Я расплачусь за товар, Эва.

– Сдохни первой! – Эва улыбнулась, и эта улыбка испугала Тима больше, чем перестрелка или атака вольфодоба. – Ты уже за все расплатилась...

Так могла бы улыбаться смерть, если бы смерть умела улыбаться.

Так бы мог улыбаться Беспощадный.

– Хочешь подохнуть? – спросила Белка. – Ну что ж...

В руке ее оказался нож, которым она свеживала дира.

Книжник хотел крикнуть, чтобы она не убивала хозяйку, что этого ни в коем случае нельзя делать, но слова застряли у него в глотке.

Нож взлетел над головой Эвы и глухим стуком вошел в доски возле ее уха, начисто срезав часть мочки. Брызнула кровь, растекаясь по полу и по рубашке вдовы фермера, но она не издала ни звука и не отвела ненавидящего взгляда от Белки.

Нож снова взлетел над Эвой, она зажмурилась, ожидая смертельного удара, но Белка не сильно и очень точно ткнула ее в висок массивной рукоятью тесака.

Взгляд Эвы мгновенно погас, глаза закатились за посиневшие веки, рот приоткрылся и по щеке побежала струйка розовой слюны.

Книжник встал и оглянулся по сторонам.

Вчера они все вместе сидели за обеденным столом в этой уютной, хоть и слегка захлавленной комнате богатого фермерского дома. Еще пять минут назад он с Белкой ел завтрак, приготовленный руками Эвы, и напротив них в последний раз в жизни смаковал стряпню своей жены недооценивший опасность гостя фермер Том.

Теперь дом был разгромлен, хозяева мертвы и только дети продолжали плакать в своей постели, в углу.

– Неси сюда рюкзаки...

Он оглянулся. Белка стояла у стола, перезаряжая автомат.

– Быстро.

Он, едва передвигая ноги, двинулся к выходу.

– Шевелись! – крикнула Белка.

Тим повернулся к ней.

– Зачем ты убила их?

– Потому что нам нужны лошади...

– Ты убила двух человек...

– Я спасла двух человек, – сказала она сдавленным голосом. – Тебя и себя. Поэтому перестань ныть и принеси сюда рюкзаки. У нас нет времени на разговоры.

– Ты действительно нелюдь...

Он не успел договорить, как она оказалась рядом, вплотную и ствол ее автомата больно врезался ему в ребра.

– Запомни, – выдохнула Белка ему в лицо. – Запомни, ты, тряпка! Книжный червь! Если ты хочешь сделать то, что задумал, научись убивать. Научись выживать, потому что иначе ты сдохнешь не завтра! Ты сдохнешь прямо сейчас!

Но Тиму было не страшно. Он смотрел на ее побелевшие от ярости глаза, на бледную кожу щек с россыпью веснушек, на выгоревшие за лето брови. От нее пахло потом, порохом и зверем.

– Перестань орать, – он поморщился. – Без меня ты ничего не найдешь и сдохнешь еще до первых холодов. Я твой главный ништяк, Белка. И меня нельзя ни потерять, ни поменять, ни убить. Я принесу рюкзаки, но этого, – он обвел рукой окружавший их разгром, – я тебе не прощу.

– Неси, – сказала она отступая.

Он вышел во двор, по которому уже бродили куры, прошел мимо коровника, мимо перевернутого подойника, мимо лужи молока, которая впитывалась в землю, мимо конюшни, где беспокойно топтались кони. Вопли охрипших детей рвали ему сердце, он пробовал закрыть уши руками, но это не помогло.

Было все еще прохладно, но лицо Книжника горело, словно обожженное солнцем. Тим сам хотел кричать и плакать, но на это не было времени. Беспощадный дышал ему в затылок и воздух был наполнен его смрадным дыханием. Он выволок рюкзаки из амбара и увидел, как Белка выводит из конюшни лошадей – старого, но еще крепкого жеребца гнедой масти и пегую кобылку ему под стать.

– Сюда неси, – позвала она. – Оставь только то, что поместится в седельные сумки. Не более. Остальное – в дом.

– Зачем? – он пожал плечами.

Она проигнорировала его вопрос.

– Возьмешь себе дробовик Тома – он для твоих умений подойдет. Автомат не трогай.

Друг из ее капюшона смотрел на Книжника блестящими бусинками-глазами, но умиления почему-то больше не вызывал.

– Выезжаем через полчаса.

– Хорошо.

– Эй! – сказала она ему в спину. – Эва жива. Я просто ее приглушила. Очухается.

Тим не обернулся.

Он не чувствовал ни гнева, ни радости. Он был пуст, как выпитое куриное яйцо.

Книжник увидел, что справа от ступеней, за оградкой из лозы, растут цветы. Не дикие, а заботливо высаженные, ухоженные, скомпонованные по оттенкам. Настоящая... клумба. Он вспомнил слово.

Клумба с цветами.

«Тут был счастливый дом, – подумал он, – а потом пришли мы. Нам были нужны лошади. И у нас есть цель, которая дает нам право убивать всех, кого захотим, – и плохих, и хороших».

Патроны к дробовику нашлись в шкафчике у входа, а сам дробовик пришлось вытаскивать из-под мертвого тела Тома. На Эву Книжник старался не смотреть, но она уже начинала приходить в себя, стонала и ворочалась, но все еще не могла открыть глаза. Возле нее на полу сидели дети.

– Все уже случилось... – повторял про себя Тим. – Все уже случилось...

Книжник закрыл дверь и спустился во двор, к коновязи.

Они выехали на тропу, когда солнце уже начало пригревать и над травами уже во всю гудели пчелы.

Для дробовика нашлась удобная седельная кобура, патроны отправились в сумку вместе с немногочисленными пожитками. Он изо всех сил пытался казаться спокойным.

Ферма осталась позади, за закрытыми воротами.

Некоторое время они ехали молча, приравливаясь к лошадиному шагу.

Книжник ерзал на жестком седле, привставал в стременах.

– Готов? – спросила Белка через некоторое время.

Он кивнул, и тогда она ударом коленей пустила свою кобылу легкой рысью. Конь Книжника потрусил за ней.

До Тауна оставалось тридцать две мили пути.

Глава пятая

Сити

Момент, когда Болота заканчиваются и начинаются Пустоши, пропустить нельзя, потому что воздух меняется на вкус.

Ветер, дующий с востока, мгновенно высасывает из него отдающую тухлятиной сырость, терпкий, с гнильцой, запах ряски и застойной воды. Воздух становится сначала теплым, а потом почти горячим и шершавым, наверное, из-за цветочной пыльцы, от которой невыносимо чешется в носу.

Бегун чихнул, высморкался в пальцы и стряхнул сопли на землю.

Перед ними простиралось море из колышущихся трав, низкого кустарника и одиноких деревьев. А еще из этого моря торчали огрызки столбов и их цепочка уходила к горизонту.

– Вот и шоссе, – сказал Облом, разглядывая окрестности в потрепанный бинокль. – Можем двигаться по нему. Будет на пару миль дальше, но идти удобнее.

– И безопаснее, – кивнул Свин.

– Возле Тауна тебе будет удобнее, долбон! Особенно если растяжку зацепишь! – ухмыльнулся Бегун. – Ну что там, Облом?

– Ничего.

– Как ты думаешь, она нас намного опережает?

– На день, – уверенно сказал Облом и тоже чихнул. – Как тут живут, Беспощадный помоги! Я же сейчас сдохну от этого зуда!

– Пройдет! – Бегун взмахнул рукой, давая сигнал охотникам двигаться. – Не бзди, бро! Сейчас привыкнем... День – это фигня. Догоним. Через Сити ей сходу не проскочить...

– Через Сити она как раз пройдет. Мост, вот где мы ее накроем!

– А как мы сами пройдем через Сити, чувак? – спросил Свин. – Мне в последний раз там чуть жопу не отстрелили...

– Раз всех убить нельзя, – пожал плечами Бегун, – то придется договариваться...

– Если они захотят с нами договариваться, – сказал Облом. – Ты же знаешь, между нами любви нет.

Ограждение шоссе практически сгнило, а что не сгнило, растащили кузнецы, поэтому то, что они уже вышли на дорогу, почувствовалось только тогда, когда Бегун нащупал в травяном ковре кусок бетона.

Он поднял его. Бетон крошился в руке и сыпался сквозь пальцы колючей песчаной крошкой.

– Разведчики, вперед, – приказал Бегун, и те послушно возглавили группу.

В принципе, пока можно было и не пускать их вперед, так далеко от Сити дорогу никогда не минировали, но предосторожности не помешают. Тем более, что началось все не слишком удачно.

Бегун вспомнил вкус гари вчерашнего погребального костра и поморщился. Он ненавидел все эти церемонии, воющих шаманов и то, что в такие минуты думал о собственном костре.

О собственной смерти. И думал в последнее время все чаще и чаще.

Облом шагал справа от него, Свин – слева, идущие сзади закрывали Вождям спину полукольцом.

– Где ты видел ракеты? – спросил Облом.

Бегун ткнул пальцем вправо.

– Вот там.

– Это фермеры? – поинтересовался Свин.

– А кто еще? – кивнул Бегун. – Тревога. На одной из ферм что-то случилось. Не дай нам Беспощадный попасть на их отряд...

– Срать я на них хотел, – хохотнул Свин и похлопал по автомату, лежащему на круглом животе. – Тоже мне вояки! Овце. бы! Пусть только сунутся!

Он хлопнул носом и скривился, словно хлебнул прокисшей браги.

– Вот, бл...ь, бро, чем это так воняет? Я через сопли чую – тухлятиной несет!

– Эй! – негромко сказал Облом. – Бегун, смотри! Свин! Голову поверни!

Отряд остановился.

Слева от них над тропой возвышались остатки железной конструкции, так и не проржавевшей в пыль за все эти годы. На самом верху решетчатой фермы висели три тела. Вернее, тела в этих мешках уже едва угадывались, так как подвесили их минимум пару недель назад, а то и больше. Но недостаточно давно, чтобы плоть сгнила окончательно и те упали на землю.

Со своего ужина нехотя снялись два крупных ворона и стая мелких птичек, похожих на синиц.

– Опа-жопа! – сказал Свин и чмокнул пухлыми губами. – Пацаны из Сити висят! Точно говорю!

– Или из Тауна, – возразил Облом.

– Не, Таун – это фигня! – покачал головой Свин. – Смотри. Видишь клочок кожи на плече у того, что ниже висит? Зеленое тату! У пацанов из Тауна зеленым зашквариться можно! Только синий или красный! Или – вместе!

Когда дело касалось наблюдательности и распутывания следов, Свин вовсе не выглядел дураком. Бегун не переставал удивляться тому, насколько толстяк быстро соображает в таких ситуациях.

– Вот это, Свин, фермеры, – пояснил Облом. – Их работа. А челы из Сити считали себя крутыми. Сечешь?

– Лохи, – презрительно фыркнул Свин и сплюнул под ноги.

– Точно, лохи, – хмыкнул Бегун. – Ты, Свин, круче, не вопрос... Просто ты с фермерами не воевал, и не надо нам с ними воевать. Где мы, а где фермеры? С ними лучше торговать...

– Как ты думаешь, – обратился он к Облomu. – Это граница?

– Не-а, эт точно не граница. До границы миль двадцать топать.

– Так какого они здесь их повесили?

– Где поймали, там и повесили. Слушай, давай-ка отсюда быстрее... Ежели у них тут чо случилось...

Отряд ускорил шаг, уходя от повешенных челов.

– Может, – сказал Облом через некоторое время, – это она?

– Что она? – переспросил Бегун.

Такой быстрый ритм движения нравился ему куда больше размеренного походного шага. Он ровно дышал, натренированные ноги легко несли его над старым шоссе. А вот Свин явно не любил такого ровного бега и с недовольной физиономией утирал со лба обильный пот.

Облом легко держал темп, но Бегун знал, что это ненадолго – слишком крупным челом был Облом, слишком тяжелым. Значит, через полмили надо будет перейти на шаг, чтобы все отдохнули, а потом снова мило бегом.

– Может, это она что-то сделала фермерам? – предположил Облом. – Ты же знаешь, она отмороженная. И по времени подходит. Ракеты мы видели утром, а она опережает нас точно день пути!

– Ну, тогда проблемы с фермерами будут не у нее, – сказал Бегун мрачно. – А у нас. Она из нашего племени...

– Гонишь! – выдохнул Свин. – Она давно не наша!

– Она из нашего племени, – повторил Бегун, не сбиваясь с шага. – И если у нее проблемы с фермерами, то нам нужно срочно убраться с их земли!

Дорога повернула, выкручиваясь широкой дугой из-за двух пологих холмов, и отряд миновал дорожный столбик с проржавевшей и облезлой табличкой. На ней можно было различить цифры 32.

* * *

– Где-то здесь граница, – сообщила Белка, оглядываясь по сторонам.

Книжник молчал.

Он практически не проронил ни звука с того момента, как они тронулись в путь. Ехал молча, приспособившись под ритм конного шага, и даже умудрился вздремнуть в седле, правда, чудом не свалился.

Несмотря на то, что вечера уже радовали прохладой, днем солнце светило совсем полетному. Белка от жары не страдала, она даже любила солнцепек, но из-за него над бескрайним морем зелени, залившим Пустоши от горизонта и до горизонта, летали тысячи насекомых и лошадям пришлось несладко. Кое-где на боках и в паху животных от укусов многочисленных хорсфлай появились кровавые потеки. Лошади нервничали, отмахивались хвостами, но насекомые жалили и жалили, иногда попутно пытаясь попробовать и человеческую плоть. Спасала одежда: от лица хорсфлай Белке приходилось гонять вручную. А вот Книжника кусачие твари почти не трогали, вокруг вились, но почему-то не грызли.

Конечно, гораздо безопасней было бы ехать только по старой дороге, но разрушенный хайвэй петлял, следуя рельефу, и тогда Белка срезала путь, пуская лошадей напрямую, через пологие возвышенности.

Несколько раз по пути попадались желтые проплешины мертвой травы, и тогда Белка направляла свою кобылку в обход.

Это были нехорошие места, на которые недавно выпал смертоносный дождь. Такие дожди приносил иногда южный ветер, пусть заберет его Беспощадный, и хорошо, что этот ветер дул нечасто. От падающей с неба смерти становились желтыми и опадали деревья, а с челов, попавших под такой ливень, слезила кожа.

Зато возле таких проплешин насекомых было меньше, чем везде, и можно было вздохнуть свободно, без риска проглотить какого-нибудь летающего жучка.

Днем они сделали короткий привал в небольшой рощице, которую Белка помнила с прошлых своих набегов. Тут из земли сочилась вода, собираясь между перекрученных корней старого низкорослого деревца. Вода чистая и прохладная – можно было и попить самим, и набрать фляги, и напоить лошадей.

Ели молча.

Приготовленная Эвой в дорогу снедь была вкусна, хотя вызывала не самые лучшие воспоминания.

Лошади довольно сильно пострадали от насекомых, но дали девушке осмотреть болезненные места.

– Они пойдут за нами, – сказала Белка Тиму негромко, смазывая укусы лечебной мазью. – Ты видел сигнальные ракеты?

Книжник не ответил.

– Ну как хочешь... Придется ехать быстрее, так что не спи в седле. К вечеру мы должны пересечь границу. Даже если они организуют погоню, то на земли Сити вряд ли пойдут.

Книжник молча полез в седло.

– Ты так и собираешься молчать?

– Я не хочу с тобой говорить.

– Ты дурак? – спросила Белка, глядя на него снизу вверх. – Ты понимаешь, что без лошадей мы бы не прошли и трети этого расстояния? Тебе не терпится подохнуть?

Книжник похлопал лошадь по шее и, прищурившись, посмотрел в небо.

– Поехали, Белка. Не о чем спорить.

Девушка взлетела в седло одним прыжком, не коснувшись стремян.

– Может быть, правильно тебя называл Облом? – процедила она сквозь зубы. – Может, ты действительно Червь? Этот мир так устроен, Книжник. Если не убьешь ты – убьют тебя. Если ты не умеешь убивать – станешь рабом того, кто умеет. Рабом, Книжник! Видишь, какому новому слову ты меня научил! Ты давно уже чел, а не тин – должен знать: мирных Беспощадный прибирает первыми!

– Я знаю. Но это ничего не меняет.

– Тогда ты дурак, потому что это меняет все. Сдохни первым, Книжник.

Он ухмыльнулся.

– Как повезет...

Белка ударила лошадь пятками, и та нехотя пошла неторопливой рысью. Книжник тронулся за ней, стараясь не отставать.

И вот теперь они стояли у разрушенной временем автозаправочной станции на обочине хайвэя, и Белка, положив локти на капот проржавевшего до дыр автомобиля, рассматривала в бинокль появившиеся вдалеке контуры домов.

Издали они казались целыми, но Книжник знал, что это не так. Город был разрушен, не до основания, но достаточно сильно. И сделали это растения, дожди, ветра, температура и время.

Дома рушились, засыпая обломками улицы, и по камням со скоростью пожара полз вездесущий плющ. Деревья росли на карнизах и крышах, их корни рвали бетон на части. Обезлюдивший город превращался в лес, в каменные джунгли, в странное место, где упирались в небо завитые зеленью от фундамента и до крыши небоскребы, и дикий виноград заползал под искоженные рамы зелеными усами, разрушая камень и бетон, открывая дорогу ветрам и влаге.

Сити и Таун были концом жизненного пространства Паркового племени, и что находится дальше, Книжник точно не знал. За границами города простирался мир, о котором он только читал, дороги, которые он видел только в своем драгоценном атласе, да реки, отмеченные голубыми линиями на старых картах.

Но для того, чтобы попасть туда, нужно было выбраться из Сити, перейти мост, ведущий в Таун, пересечь Таун так, чтобы добраться до его южных окраин...

А вот потом...

Потом должно было начаться самое интересное.

Он спешился, достал из заплечного рюкзака атлас и уселся на траву.

Хотел он или не хотел, а без общения с Белкой дальше было не обойтись. Какой бы она не была – она союзник. Только вот теперь при ее приближении у него в животе образовывался липкий холодный ком. И Книжник был не уверен, что это страх.

– Посмотри, – позвал Тим, и девушка подошла, ведя коня за повод.

– Мы сейчас здесь, – сказал Книжник показывая пальцем место, где на карте хайвэй, подойдя вплотную к Сити, соприкасался с белтвэем – кольцевой дорогой, некогда охватывающей и Сити, и Таун. – Вот заправочная станция...

Он подбородком показал на развалины заправки, возле которой они расположились.

– Вот там была электростанция – это остатки трубы.

– Раньше мостов было три.

– Я знаю, – кивнула Белка. – Видела развалины.

– Давно была в Сити?

Она быстро глянула на него.

– Не очень. Этой весной.

- Мост, который в центре? Что с ним?
- Тогда стоял целехонек. Ты около реки никогда не был?
- Нет. Нас в тот раз обнаружили еще на окраинах, едва ноги унесли.
- Тогда слушай... Реку тут вброд не перейдешь – глубоко и широко. Течение быстрое. После дождей прет так, что аж страшно рядом стоять. Возле рухнувших мостов охраны нет, да она там и не нужна. Зато в центре мост берегут как зеницу ока. Со стороны Тауна его держат под прицелом снайперы. Не все время, но достаточно часто. По жителям Сити они не стреляют, если те не пытаются зайти за середину моста. Но если заступить за черту – бьют метко. Со стороны Сити мост забаррикадирован. Думаю, что не заминирован – на их месте я бы с минами там не баловалась, уж очень все ветхое... но они могут...
- Задача, – задумчиво произнес Книжник. – А ведь нам нужно сюда...
- Он постучал пальцем по карте.
- На юг?
- Ну да... И я пока не представляю, как это сделать. Ты побывала в Тауне?
- Этой зимой. Перешла по льду... И тоже едва унесла ноги.
- Ну, мы с тобой холодов не дождемся... Какие мысли?
- Никаких, – честно призналась Белка. – Дорога одна – через мост. А там – снайперы с той стороны, снайперы с этой... А у тебя какие?
- Нам на юг, – сказал Книжник. – И река течет с севера на юг.
- Ну? – переспросила Белка.
- Это пока все.
- Почему все?
- Потому, что для этого плана нужны лодка или плот.
- Их у нас нет.
- Тогда стать птицей и перелететь на ту сторону по воздуху.
- И как ты собираешься стать птицей?
- Книжник развел руками.
- Не знаю.
- Ну что ж... – констатировала Белка. – Хороший у нас план. Дельный.
- Другого нет.
- Книжник упаковал атлас в рюкзак и встал.
- Я понимаю, что это звучит глупо, но придется действовать по обстоятельствам. Как ты думаешь, мы сможем найти союзников в Сити?
- Белка невольно фыркнула.
- Понял, – кивнул Тим. – Давай-ка зайдем в Сити так, чтобы по течению быть выше моста.
- Хорошо, – сказала Белка, запрыгивая в седло. – Теперь ты держишься за мной и выполняешь любые команды. «Любые» – означает любые. Иначе пеняй на себя. Не хочу тебя пугать, но челы из Сити – малоприятные типы.
- Тим тоже забрался на лошадь и подобрал поводья.
- Зато мы с тобой приятные, – буркнул он. – Приятнее уж некуда!
- Ближе пока не подъезжаем, – командовала Белка, помрачнев лицом. – Обходим Сити с севера на расстоянии. Как только стемнеет, пойдем вовнутрь.

* * *

Сначала по ним ударил пулемет, а уже потом Бегун заметил всадников. Стреляли над головами, но как только пули засвистели вокруг, отряд залег в высокую траву. Можно было ползти, но от лошадей далеко не уползешь, поэтому Бегун демонстративно встал во весь рост, а вслед за ним встали Облом, Свин, а потом и остальные охотники.

Всадников было немного, десятка полтора, но с ними в одном строю двигались две легких повозки с пулеметами – ган-кары, и каждая из них стояла двух десятков бойцов.

– Фармеры, – негромко сказал Облом ему в затылок.

Но это Бегун и сам видел. Отряд приближался, охватывая охотников Парка полукольцом.

– Не стрелять, – на всякий случай предупредил Бегун остальных. Но дураков не было.

Возницы развернули ган-кары, стрелки за пулеметами взяли охотников на прицел, и только тогда из строя конных выехал всадник – темноволосый и загорелый до черноты чел с длинным хвостом волос на затылке. Его лицо было бы благообразным, но дело портил шрам – рубец от правого виска почти до левого уха.

Бегун облегченно вздохнул – Резаного он знал. Виделись пару раз и даже договаривались о торговле.

Вождь ткнул автомат в руки Облома и тоже шагнул вперед, показывая руки.

– Живи вечно, Резаный!

Резаный промолчал.

Рядом с ним в седле сидела герла – небольшая, темненькая и беременная. Под глазами у нее разбежались темные круги, а сами глаза...

Нехорошие у нее были глаза. Бегун обладал интуицией зверя и редко ошибался. Очень нехорошие.

– Ее здесь нет, – сказала герла сдавленным голосом.

– Что стряслось, бро? – спросил Бегун, обнажая в улыбке верхние зубы, мелкие, как у хорька. – Может, мы ищем одну и ту же тварь?

Резаный медленно повернул голову в его сторону.

– А... – протянул он. – Бегун... Живи вечно!

– И ты, и ты, Резаный... – кивнул Бегун. – Мы ищем герлу, которая нарушила Закон Парка. Ее зовут Белка. Маленькая худая тварь, опасная, как болотный снейк. Рыжая сука, которую мы выгнали из племени.

Глаза у беременной вспыхнули темным кровавым светом.

– И где она, Бегун? – спросил Резаный.

– Мы думаем, что идет в Таун.

– Одна? – продолжил фармер.

– С ней еще один ублюдок, – сказал Облом за спиной Бегуна. – Книжный червь! Но он мой.

– А... Облом... – снова лениво протянул Резаный, склоняясь к шее лошади. – Живи вечно, Облом. Но я уже говорю со старшим, так что ты можешь заткнуть пасть...

Облом пошел пятнами, открыл было рот, но промолчал.

– Она не одна, – спокойно сказал Бегун, не вступая в перепалку. У него не было никакого желания вступать в перепалку под стволами двух крупнокалиберных пулеметов. – У нее есть сообщник...

Резаный склонился к герле с бешеными глазами, и та что-то прошептала ему на ухо.

– Ваша соплеменница с сообщником убили мужа этой женщины, – Резаный положил ладонь на приклад автомата в седельной кобуре. – Я думаю, вы должны заплатить за это...

Бегун почувствовал, как за его спиной напряглись охотники.

– Она не наша соплеменница...

– Да? Они оба из вашего племени, что бы ты сейчас не рассказывал. И ты отвечаешь за то, что они сделали.

Стволы пулеметов едва заметно опустились ниже.

– Мы тоже хотим их наказать...

– Убит фармер, один из наших... – процедил Резаный, поджав губы. – Все племена в округе знают, что бывает после этого. Или вы, парковые, забыли, что мы ничего не прощаем

и ничего не забываем? Наверное, давно никто из ваших не висел на столбах справедливости! Пора напомнить!

– Не торопись, Резаный, – выговорил Бегун с трудом. Он сам удивился тому, как пересохло во рту – слова царапали ему горло, как куски черствой лепешки. – Ты успеешь наказать виновных, а твоя герла получит выкуп за убитого мужа. Мы как раз собирались предложить тебе дело...

– Дело? – удивился фермер. – Мне? Какое дело мне может предложить парковый?

– Я бы хотел поговорить с тобой с глазу на глаз.

Некоторое время Резаный размышлял, меряя Бегуна взглядом, но потом все-таки кивнул:

– Подойди.

Бегун подошел, стараясь глядеть гордо, но этому очень мешали следящие за ним стволы пулеметов. Он был небольшого роста, и конь Резаного нависал над ним, как скала.

Фермер достал свой автомат из кобуры, и ствол уткнулся Бегуну под ключицу. Мушка царапала кожу, от металла несло смазкой и пороховой гарью.

– Говори.

Бегун сглотнул, как можно более незаметно, и посмотрел на Резаного снизу вверх.

– Сколько зим у тебя на плече, Резаный? – спросил он.

– Шестнадцать, – ответил тот, не снимая пальца с курка.

– Хотел бы ты обмануть Беспощадного, бро?

Ствол автомата врезался ему в плоть, но Бегун даже не изменился в лице.

– Беспощадного нельзя обмануть.

– Книжный Червь говорит, что можно.

– И ты хочешь, чтобы я поверил в эту чушь, парковый?

– Я хочу, чтобы ты пошел с нами и убедился сам.

Резаный смотрел на него сверху вниз неприятным холодным взглядом.

– Ты зовешь меня ловить твоих беглецов?

– Это не беглецы, бро. Это шанс жить вечно.

Резаный неприязненно ухмыльнулся.

– Нельзя жить вечно.

– Но можно жить очень долго. Три жизни. Четыре. Это почти вечно, Резаный. Для нас это вечность.

Резаный подумал, а потом кивнул.

– Тебе нужны бойцы.

– Ну конечно, – согласился Бегун. – Я зову тебя не потому, что тебя люблю. Просто с твоими челами, лошадьми и ган-карами мы сможем сделать больше, чем без них.

– И я смогу обмануть Беспощадного?

– Или мы оба сможем, или оба проиграем – как повезет.

– Если это подстава, парковый, то я отберу у тебя не оружие, не людей, я отберу у тебя жизнь...

– Договорились, – кивнул Бегун. – У меня на плече отмечено семнадцать зим, Резаный. И если я промахнусь, то меня накажешь не ты – Беспощадный. Сам подумай, кто из вас страшнее?

* * *

Дома нависали над улицами в прямом и переносном смысле. Оплетенные зеленью огромные кубы, покосившиеся параллелепипеды, странные ржавые конструкции, словно построенные специально, чтобы дать опору лозе и побегам плюща и винограда.

На некоторых улицах уже поднялся лес, причем немолодой – густой, с подлеском, такие улицы они объезжали.

Вокруг было настоящее птичье царство, воздух буквально дрожал от криков пернатой живности, но это не радовало, потому что если хоть с одного из небоскребов в Даунтауне за окрестностями следил наблюдатель, то взлетающие в воздух стаи птиц четко обозначали их путь.

Утешало одно – темнело, а темнело в Сити совсем не так, как на Пустошах.

Небо над бывшими домами было еще светлым, голубым с добавлением розового, а на улицах уже сгущалась тьма, и, по мере того, как она наступала, птичий гомон становился тише, пернатые ныряли в зелень – за нею прятались пустые проемы окон – и исчезали.

– Надо будет убраться отсюда до утра, – сказала Белка, глядя на мелькающие над ними длинокрылые силуэты. – Только ленивый не понял, что тут кто-то есть...

Книжник молча крутил головой, разглядывая то, что когда-то называлось Сити. Сейчас они были на северной окраине города. Тут не строили высотных зданий, максимум три-четыре этажа. Часть домов явно никогда не была жилой – район, переходящий в одноэтажную застройку, оставался левее. Они ехали по самой границе промзоны. Правее иногда возникали развалины заводских корпусов, полусгнившие, с проваленными крышами верхаузы, остатки длинных, на несколько блоков, заборов.

– Скоро придется искать место для ночлега, – предупредила Белка. – Еще чуток, и тут будет хоть глаз выколи...

– Ну так давай искать... – согласился Книжник, который темноту не любил.

– Смотри, где будет много сухой лозы. И для костра рубить легче, и плесени внутри меньше.

Такой дом нашелся в начале следующего блока.

Первый этаж, наверное, когда-то был магазином. Белка чуток поработала тесаком, расчищая широкий проем, двери рухнули со сгнивших петель при первом же нажатии, и они ввели лошадей вовнутрь.

Книжник полез в карман рюкзака, достал отреставрированный собственноручно механический фонарик, несколько раз нажал на клавишу, разгоняя генератор. Диод вспыхнул, заливая голубым светом угол помещения.

– Ух ты... – сказала Белка с искренним удивлением. – Я такого и не видела. Ты прямо шаман, Книжник.

Тим фыркнул.

– Посвети...

Она быстро приволокла в дом несколько футов сухой лозы, порубила тесаком, сложила в «шалашик» и ловко подожгла.

– Ты расседлай лошадей, а я пока найду еще веток.

Книжник кивнул и принялся снимать с лошадей сбрую. Те испуганно косили глазами на костерок, но стояли смиренно.

Белка принесла хворост, соорудила треножник и залила водой из канистры несколько кусков солонины. Друг выбрался из капюшона, получил сухарик и отправился путешествовать по своим делам.

– Я проверю дом, пока вскипит, – сообщила девушка. – Наружу не ходи пока, там растяжка, на всякий случай.

– Понял, – отозвался Книжник.

– Ну-ка, дай свою жужжалку...

Он протянул ей фонарик.

– Сюда жать.

– Вижу.

Белка боком взлетела по бетонной лестнице на второй этаж и через несколько минут спустилась.

– Пусто, – сообщила она, заглядывая в закипающий котелок. – Даже мертвых нет. Удивительно, но, кажется дом не грабили. Первый этаж обчистили, а остальное нетронуту. Надо будет пошарить по комнатам и пересмотреть подвал. Как ты думаешь, что тут было до...?

– Магазин.

– Что продавали?

– Посвети, – попросил он, и Белка с удовольствием принялась нажимать на ручку.

– Бакалея, – пояснил Тим, разглядывая едва заметные надписи.

– Что?

– Овощи, фрукты, разная еда, мелочи по хозяйству. Если у них был склад внизу, то стоит пошарить... Видишь, это – холодильники, в них хранили то, что быстро портится. А там, где привязаны лошади – платили за покупки...

– Интересно, что же случилось? – спросила она. – Вот был мир – и его не стало. Я в курсе, что пришел Беспощадный и все Старшие умерли. И я понимаю, что Беспощадный – это болезнь, странная, но болезнь. Как лихорадка или понос... Но я не понимаю, откуда и как он пришел. Ты читал об этом в своих книгах?

– В книгах об этом ничего не написано, – отозвался Книжник, помешивая варево в котелке. – Не успели об этом написать. Я не знаю точно, как быстро все произошло, но, думаю, речь шла о нескольких неделях. Когда за такое короткое время умирает несколько миллиардов людей, не до книг.

– Тогда откуда ты знаешь, что Беспощадного можно обмануть.

– А я не знаю, что его можно обмануть, – сказал Книжник, снимая ложкой коричневатую пену с супа. – Я догадываюсь, что это можно сделать.

Белка посмотрела на него с недоумением.

– Только догадываешься?

Тим вздохнул.

– Да. И если бы не дневник, – он похлопал по лежащему рядом рюкзаку, – я бы никогда и не узнал бы, что у нас есть шанс.

– Кто написал его?

– Одна герла, которая по чистой случайности оказалась в Парке во время прихода Беспощадного. Она приехала туда с родителями и наутро они умерли. Все родители умерли, а дети остались. Так образовалось Парковое племя. Она все подробно описала, а дневник успела спрятать в Библиотеке. Я нашел его год назад, сначала хотел выбросить – это же не книга – а потом прочитал.

– И чем нам помогут ее записи?

– Ее записи – наш путеводитель, Белка. Они приехали в Парк из маленького городка Маунт-хилл, и рядом с этим городком находится место, где родился Беспощадный. Ты на всякий случай запоминай, мало ли что со мной может произойти. Это место называется Лаба.

– Странное название...

– Странное место. Оно располагалось на территории большой военной базы, и никто не должен был знать, что оно там находится, даже семьи тех, кто там работал.

– Откуда же она знала?

– Слышала разговор матери и отца. Отец переживал, потому, что все люди на планете договорились не делать ничего, похожего на Беспощадного, но делали все равно. И в Лабке занимались именно этим.

Белка достала из рюкзака пакет с сушеными травами и бросила их в варево, потом туда же полетела горсть крупы и бульон превратился в густую ароматную похлебку.

– Помешивай, – приказала Белка, и Тим послушно начал работать ложкой.

– И далеко нам до этой Лабы? – спросила она спустя минуту.

Он кивнул.

– Сто миль с небольшим к югу от Тауна.

– Сто миль!

Белка присвистнула.

– И для этого надо пройти Сити, перейти мост, а потом еще и выбраться из Тауна. Сто миль по землям, которые мы не знаем. Это не просто далеко, Книжник, это очень далеко.

– Я знаю, – сказал Тим. – Но единственный Маунт-хилл, о котором может идти речь в дневниковых записях, находится там, Белка.

– Ну, значит, надо к нему идти, – резюмировала она, глядя на то, как варевое становится все более и более густым. – Да, кстати... Ты обещал научить меня читать?

Некоторое время Книжник молчал, глядя Белке в глаза. Взгляда она не отводила. В свете костерка ее волосы казались темными, а тени возле скул и в уголках рта – глубокими, словно порезы.

– Хорошо, – наконец-то согласился Книжник.

Видно было, что согласие далось ему нелегко.

– Отлично. После ужина и займемся.

* * *

Не все в племени, живущем в Сити, понимали, насколько им повезло. Сити располагался настолько удачно, что только полный дурак мог не пользоваться открывающимися возможностями. С запада к городу подходили Пустоши, населенные фермерами. Те производили овощи, фрукты, молоко и мясо – гораздо больше, чем могли съесть или запасти. Им нужны были ништяки и оружие, а это все было в Сити.

На левом берегу реки располагался Таун, в котором хозяйничало другое племя, которому тоже были нужны продукты за ништяки. Но между ними и фермерами стояло племя Сити и единственный уцелевший мост. Поэтому племя Сити получало ништяки из Тауна по разумным ценам, а те получали продукты фермеров, правда, по ценам в несколько раз больше.

Поэтому племя Сити было богатым, лучше всех вооруженным и крайне болезненно относилось к любым попыткам чужаков пробраться на их территорию. Поэтому, когда жрице Сити – Айше – доложили, что смотрелцы видели на севере стаи потревоженных птиц, она не стала колебаться и вызвала к себе командира охранной сотни, несмотря на поздний час.

Додо явно робел рядом с ней.

Он был на две головы выше Айши и втрое тяжелее и, вполне возможно, мог убить ее одним ударом лапы, похожей на медвежью, хотя и был на два года моложе, но при виде жрицы краснел, смущался и терял командный голос.

Айша знала, что имеет над ним власть не только потому, что вся полнота ее принадлежит жрице и ее помощникам по Закону Сити, а еще потому, что очень ему нравится. Додо был хорош – от него пахло грубой силой, что всегда заводило жрицу, но Додо был для нее табу. Она хорошо знала этот тип челов: заполучив ее хотя бы раз, он начал бы считать Айшу своим приобретением, не стал бы подчиняться приказам, так что для утех у нее были другие челы и герлы, а Додо...

Додо же должен был безнадежно и сильно ее хотеть, что он и делал.

– Додо, милый, – проворковала Айша, глядя на спину командира, согнутую в ритуальном поклоне. – Похоже, что у нас на севере появились гости...

Додо медленно выпрямился. Его плечи могли бы загородить ей солнце, если бы оно уже не село в Пустоши.

– Живи вечно, Айша! Ты хочешь, чтобы мы вышли сейчас? – спросил он неожиданно высоким, юношеским голосом.

– Утром, Додо, – ответила Айша. – Выйдете на рассвете. Смотрец покажет тебе сектор, где летали птицы.

– Их много?

– Не знаю. Ты мне расскажешь!

– Хорошо, Айша. Ты хочешь их живыми?

Жрица улыбнулась.

– Необязательно.

Додо улыбнулся в ответ. Улыбка делала его лицо совершенно детским.

– Я постараюсь тебя порадовать.

– Спасибо, Додо. Беспощадный так давно не пил свежей крови...

– Я понял, жрица.

– Иди, отдохни.

– Живи вечно, Айша.

– И ты живи вечно, Додо.

Он снова поклонился и пошел к дверям, но те распахнулись и ему навстречу шагнул встревоженный смотрец. Айша знала его по имени – Глазастый – так как он был одним из лучших смотрцов в племени, действительно глазастым, тут с прозвищем не ошиблись.

– Айша! Воин Додо! – произнес он. – Прости меня, жрица, за плохие вести, но только что на западе сработали сигнальные ракеты.

– Это могут быть звери? – спросил Додо.

Он насторожился, подобрался и теперь еще больше напоминал Айше кугуара – такой же сильный, быстрый и опасный!

Звери жили на заросших улицах Сити как в лесу, и с каждым годом их становилось все больше и больше, но сигнальные ракеты на границах были установлены на совершенно другого зверя.

– Нет, – покачал головой смотрец.

Додо кивнул, и повернулся к Айше.

– Не волнуйся, жрица. Утром я все сделаю.

Она взмахнула рукой, отпуская их, и подошла к окну.

За стеклом простирался Сити. Ее Сити. Ночь уже окутала его улицы, и соседние дома казались темными замшелыми глыбами. Но Айша знала, что за стенами мерцают очаги, женщины готовят ужин своим челам, укладывают спать детей. На крышах самых высоких домов сидят смотрцы и стерегут границы, а внизу бесшумно скользят по улицам тройки и пятерки стражей, охраняющие ночной покой от незваных гостей-мародеров. Сити жил своей жизнью, а Айша всего лишь помогала ему свободно дышать.

Она сняла туфли и стала еще меньше ростом.

Стройная, ладно сложенная, невысокая, смуглая, с явной примесью крови нигроу или лати, с хвостом тяжелых густых волос, достающим до ягодич, она, возможно, не была красива, но казалась такой, особенно в сравнении с высосанными ранними родами и постоянными беременностями женщинами племени.

Традиционно главная жрица не имела постоянного чела, но один раз выносила и родила ребенка. По Закону она должна была рожать до тех пор, пока не родит девочку-наследницу, но Айше повезло – нужное случилось с первого раза. Закон также говорил, что воспитанием девочки жрица не занимается, у нее хватает других забот – и дочку воспитывала другая семья.

Айша достала из буфета открытую бутылку вина и налила себе бокал. Красное, терпкое, пахнущее солнцем и виноградом. Она сделала несколько небольших глотков, а потом с наслаждением облизала губы.

Иногда она видела дочь, но особого чувства к ребенку не испытывала. Девочка была необходимостью, требованием закона, и Айша не считала ее совсем своей, несмотря на то, что та была похожа на нее как две капли воды.

Глядя на маленькую темноволосую бэйбу, Айша прислушивалась – не защежит ли в груди? Но в груди ничего не щемило. Красивая бэйба, миленькая, но не более. Свои привилегии и обязанности жрица любила больше, чем ребенка, и это было правильно. Закон мудр: жрица должна любить свое племя, а не свое семья.

Айша допила содержимое бокала и, на мгновение задумавшись, решила, что сегодняшнюю ночь она проведет одна. Утро обещало быть интересным – она буквально ощутила ноздрями запах горелого пороха и разогретой оружейной смазки – она обожала эти ароматы боя и смерти. На Сити давно не делали набегов, а одиночки, польстившиеся на наживу, скудное приношение Беспощадному. Погребальные костры горели все чаще, значит, он не получает достаточного внимания и гневается.

Жрица насмешливо хмыкнула, но невольно потерла плечо, где в ряд было вытатуировано семнадцать магических капель. Она не верила в жертвоприношения, в молитвы и знала, что сколько живых не жги в одном огне с мертвыми, настанет час... И никто не в силах отсрочить приход Беспощадного. Но люди верили.

Айша сбросила с себя одежду и с наслаждением легла на чистые простыни.

Сколько бы дней или часов (или даже минут) ей не осталось, это будут хорошие часы. Она проживет их, как хочет. А когда придет ее время...

Ну, значит, оно придет.

* * *

Подвал оказался разграбленным, Белка с Книжником увидели это сразу, как открыли присосшую к косяку дверь.

– Зря мы встали раньше времени, – констатировал Книжник, зевая. – Смотри, тут и кузнецы побывали, все железо ободрано.

– Ничего, – бодро сказала Белка, и тут же зевнула сама, – чем дальше от этого места мы будем, тем лучше. Птицы еще спят, и это хорошо.

Фонарик в ее руках бодро жужжал, световой круг шарил по грудам мусора, обломкам стеллажей, каким-то непонятым пластмассовым остаткам, кускам пыльного полиэтилена.

– Пошли, – предложила Белка. – Чего рассиживаться?

Пятно света скользнуло по засыпанному пылью и трухой полу, пробежалось по стене...

– А ну-ка подсвети... – попросил Тим.

На большом плакате когда-то была напечатана реклама. Основа была не бумажной, поэтому и сохранилась, краски просматривались плохо – подвал отсырел, но изображение угадывалось – где контурами, а где тенью...

– Так, – сказал Книжник серьезным голосом. – От телефонного номера, конечно, толку мало. А вот адрес... Адрес нам может и пригодиться.

– Что это? – с недоумением спросила Белка из темноты.

– Наш шанс перебраться на ту сторону, – ответил Тим. – Без всякого моста.

* * *

Додо поднял по тревоге два отряда стражей.

Пятеро хороших бегунов должны были отправиться на север, туда, где смотрелы засекали стаи потревоженных птиц. Им предстояло в случае чего вызвать помощь ракетами. А полный

десяток чистильщиков с двумя пулеметчиками для прикрытия предназначался для рейда на запад.

Третий отряд стражей в полной боевой готовности оставался на месте, ожидая сигнала от смотрцов, чтобы выдвинуться или на север, или на запад, в зависимости от обстоятельств.

Сам Додо собирался возглавить тяжеловооруженный десяток, он нюхом чуял на западе серьезную заварушку.

Когда отряды выдвинулись к воротам, появилась Айша. Она была одета по-походному, с автоматом через плечо, и вела под уздцы одного из мерин. Лошадей фермеры в Сити не продавали, купить можно было лишь мерина или мула, да и то невероятно дорого, за оружие или взрывчатку. Взрывчатку приходилось выменивать в Тауне, там ее вытапливали из снарядов, оставшихся на артиллеристских складах. В общем, каждый мерин или мул обходился Сити в такое количество ништяков, что и подсчитать было страшно. Но у Айши был свой мерин, ей полагалось иметь самое лучшее.

– Живи вечно, Айша! – сказал Додо, склоняясь перед жрицей.

– И тебе долгой жизни, Додо!

Айша ободряюще коснулась его руки и гигант покраснел от смущения.

«Надо будет пригласить его к себе, – подумала она, пряча насмешливую улыбку, – не то он скоро начнет в обморок падать при моем появлении».

Додо был хорош. Очень хорош. Может быть, поэтому Айше нравилось мучить его, то приближая к себе, то отдаляя.

– Я решила развеяться с утра, – сообщила жрица, легко, почти не коснувшись стремени, вскакивая в седло. – Ты не возражаешь?

Как будто он мог возражать!

– Там может быть опасно, Айша, – пробубнил Додо.

Бронежилет был слегка ему маловат.

– Я знаю, – отозвалась жрица. – Именно поэтому и еду с тобой, Додо! Ты же защитишь меня в случае чего?

Додо едва слышно зарычал, прикладывая руку к сердцу.

– Вот и отлично, – улыбнулась Айша, трогая мерина с места. – Веди нас, отважный Додо, веди нас!

* * *

Найти дом по адресу в городе, где восемьдесят пять лет нет адресов – задача непростая. Помог атлас Книжника, в котором была схематическая карта Сити. Искомая улица Ривер-роад на ней была, а вот дома с номером 1448 не было.

– Мы вот здесь, – сказал Книжник, ткнув пальцем в карту. – Нам вот сюда. Тут промзона, склады... В любом случае это близко к реке, так что по дороге.

Лошади шли шагом, небо становилось все розовее и на нем рассвет уже рисовал облака.

– Будет жарко, – Белка посмотрела вверх и Друг, воспользовавшись моментом, выскочил из капюшона и тоже уставился на небо, сидя на ее плече.

Над ними уже кружили вышедшие на утреннюю охоту мартлеты, скользили на кривых крыльях в потоках воздуха, разыскивая добычу.

Некоторое время они ехали молча, поглядывая по сторонам. Трава и мох, которыми обильно поросли здешние мостовые, скрадывали звук копыт, так что передвигались всадники практически бесшумно и достаточно быстро. В момент, когда солнце появилось из-за обросших плющом домов прямо перед ними, Белка и Книжник находились более чем в трех милях от места, где ночевали.

Жилые дома кончились, они въехали в промзону.

Тут тянулись к реке длинные кишки бывших верхаузов, остатки каких-то небольших заводов, по которым уже невозможно было определить, что именно здесь производилось, непонятные рваные трубопроводы из потемневшего тонкого металла висели кусками на виадуках из старого камня – остатки труб кузнецов не интересовали: этот металл не ковался, в тиглях – горел.

Птичьей мелочи стало в разы меньше, зато шум реки теперь слышался отчетливо, и в воздухе появились грациозные игреты, заходящие на посадку в сторону солнца. На нескольких чудом устоявших столбах виднелись мохнатые шапки гнезд сторков.

Еще через пять минут ходьбы они наконец-то оказались на берегу.

Река текла перед ними – широкая, спокойная у берегов и стремительная, вскипающая пеной посередине. Вода в ней была чистой, прозрачной, лошади сразу начали фыркать – им хотелось пить.

Когда-то река была гораздо шире, но плотины давно рухнули и теперь поток вернулся в первоначальное русло, как было до человека. По берегам высились остатки пирсов, часть которых давно осыпалась по разным причинам, лежали остовы огромных речных лодок, служивших для перевозки грузов...

Книжник попытался вспомнить слово, которым эти лодки некогда назывались, но не вспомнил.

Ривер-роад, если смотреть по карте, здесь не заканчивалась, а изгибалась и бежала дальше вдоль реки, и беглецы поехали по ней на север.

– Бесплезно, – сказала Белка через полчаса поисков. – Я и помочь тебе не могу толком. Что искать-то? Как это должно выглядеть...

– Как склад на берегу... Ангар. Вроде этого... – Книжник ткнул рукой в покосившееся здание, похожее на половинку трубы и стоявшее поодаль справа. – Может быть, больше.

– И все? – удивилась Белка.

– Рядом должен быть пирс... Что-то вроде этого. У них был вход на реку.

Он снова показал рукой – на этот раз Белка рассмотрела среди густых зарослей прибрежного кустарника длинную бетонную площадку, тянущуюся от берега к воде. Площадка опиралась на сваи. Их часть уже превратилась в рассыпающиеся куски, из которых торчала ржавая толстая проволока. Вся конструкция напоминала огромную мертвую мокрицу или многоножку.

– Хреновое место, – сказала Белка, отчего-то поеживаясь. Ей стало неудобно, словно кто-то смотрел на них через этот частокол полуразрушенных свай. Кто-то очень злой и кровожадный. – Удобно для засады.

– Вряд ли здесь кто живет, – покачал головой Книжник. – Зверья должно быть полно, это да... А для людей... Тут все заброшено, Белка, и свежих следов не видно. Представляешь, в Сити жили почти двести тысяч челов. А сейчас?

Девушка пожала плечами.

– Не знаю. Тысяча. Может две. В Тауне, если верить Шаману, три раза постольку.

– В Тауне, – в голосе Книжника была откровенная грусть, – жил почти миллион челов, Белка.

– Я все равно не умею считать до таких чисел. Полруки – это пять. Рука – десять. Сто – это десять рук. Тысяча – это сто рук. Я это понимаю. Что такое миллион?

– Это тысяча тысяч.

– Столько не бывает...

– Теперь не бывает, – согласился Тим. – Теперь многого не бывает и уже не будет.

– Пошли отсюда, – Белка снова поежилась. – Плохое место. У меня неприятное предчувствие.

– Понимаешь, Белка, тут глупо ждать засады: враги не могут быть везде – их слишком мало на такой громадный город, нельзя контролировать все окраины таким количеством людей. А Таун еще больше! Сколько охотников понадобится, чтобы его прочесать? А сделать облаву? Так что о засадах не думай: они могут выследить нас, и то, сначала надо нас найти...

– Найти нас несложно, мы идем к мосту – это единственный путь на ту сторону.

– Он не единственный, – твердо сказал Книжник, трогаясь с места. – Мы найдем другой способ добраться до Тауна, а там поймать нас станет еще сложнее. Давай-ка свернем сюда...

Узкий переулок между двумя верхаузами основательно зарос, но не деревьями, а тонкой молодой лозой. Чуть дальше река разлилась, берег подмыло и остатки сломанных бетонных плит козырьком нависали над катящейся на юг водой.

– К краю не подходи, – предупредила Белка. – Место открытое. Засекут.

Книжник покачал головой, но на всякий случай пригнулся.

– Не засекут, камыш мешает.

– Ближе не получится.

– А ближе нам и не надо... Смотри!

Он показал рукой на низкий, загаженный птицами с крыши и до фундамента ангар в трехстах футах от них.

– Узнаешь?

Белка взгляделась.

– Слушай, ты же вроде жаловался на то, что плохо видишь?

– Я вижу достаточно. Смотри на рисунок на стене. Номера у дома здесь нет, скорее всего, но это явно то, что мы ищем. Там надпись... читай!

– Тим, ты вчера показал мне десяток букв, и хочешь чтобы я прочла?

– Назови мне те буквы которые запомнила...

Белка выхватила среди выцветших теней знакомые по вечернему уроку значки и назвала их. Ей была интересна эта игра – из пересечения палочек появлялись звуки, и эти звуки могли сложиться в слова.

– Прекрасно, – похвалил Тим и неожиданно улыбнулся, и Белка увидела, что у него не хватает клыка справа, но улыбка все равно была хорошей. – Всего две ошибки. Ты перепутала «b» и «d». А вот эта буква – «эф». Запомнила?

Она кивнула.

– Так что же там написано?

– Там написано, – произнес Тим торжественно, – «Воздушный и водный аттракцион братьев Буковски». Та же реклама, что и на стене в подвале, где мы ночевали. Мы его нашли! А теперь... – он взобрался на спину своей лошадки и потрепал ее между ушей. – А теперь – поехали, поглядим, что там у нас интересного внутри...

* * *

Чтобы попасть в ангар, им пришлось немало потрудиться. Хоть ворота не были на замке – они оказались сдвижными, и направляющая, по которой ездила массивная створка, давно ушла в грунт. В общем, чтобы открыть метровый проход, пришлось потратить почти двадцать минут времени. Двадцать минут – это очень много, когда за тобой спешит погоня, а Белка была уверена, что их разыскивают и найдут обязательно – это не то, что может случиться, а может и не случиться, это вопрос времени.

Лошади вовнутрь идти отказались. Белка выругалась, но тащить их в ангар силком не стала – привязала у входа.

– Приглядывай! – приказала она Книжнику, а сама скользнула в пахнущую прелым темноту за воротами.

Как только она исчезла из виду, Тиму тоже стало неудобно – по спине побежал холодок, ладони повлажнели, и он поймал себя на том, что учащенно дышит.

Незнакомый пейзаж давил, из камышовых зарослей у самой воды доносились странные хлюпающие звуки и гудело под порывами ветра старое дырявое железо стен. Он перехватил оружие поудобнее, повел стволом, выискивая невидимую цель, и постарался принять максимально грозный вид, но бояться от этого не перестал.

Тогда Книжник начал считать про себя – это был верный способ отвлечься.

Он досчитал до шестидесяти, когда девушка появилась у ворот.

– Ну? – спросил Тим с нетерпением. – Что там?

– Темно. Без твоего фонарика не обойтись. Но, похоже, тут никого не было...

– С чего ты взяла?

– У входа лежит тело, – сказала Белка. – Чуть дальше – второе. Вернее, не тело, а то, что осталось. Но ты же знаешь... Мертвые тела положено сжигать. Их не трогали. Они лежат там, где к ним пришел Беспощадный. Значит, тут никого не было...

– Отлично! – обрадовался Книжник и Белка посмотрела на него с недоумением.

– Что отлично?

– Заходим! – он шагнул к ангару, доставая из рюкзака фонарик. – По дороге все объясню!

Но в огромном ангаре фонарик на ручном приводе оказался немногим эффективней банки со светлячками, которую Книжник использовал в глубоком детстве, чтобы летней ночью дойти до туалетов. Пришлось из подсобных средств и гнилой ветоши соорудить что-то вроде факелов, которые ужасно чадили, но давали возможность видеть на десяток метров вперед.

Ангар выходил к реке вторым торцом, тут тоже были ворота, Огромные закрытые стеллажи, заросший бледной плесенью и еще чем-то нитевидным, генератор, больше сотни ржавых канистр и заправочная колонка – пыльная, шелушащаяся, вся в пятнах коррозии, но совершенно целая.

– Под ней должна быть бочка с топливом, – сказал Тим.

– Только топливо скисло...

– В любом случае, не до конца. – Книжник говорил уверенно, продолжая осматриваться. – То, что осталось от топлива, хорошо горит, а это факелы. Это можно взорвать, в конце концов. Этим можно что-то поджечь, а потушить будет трудно! В общем, крайне полезная штука это твоя скисшая горючка. В наших краях такое сокровище не сыщешь днем с огнем – давно все разобрали. Нас с тобой закидывали зажигалками из запаса, а новых взять негде!

– Слушай, Книжник... Я не пойму, зачем Вожди тебя выгнали. Ты же крайне полезный чел... Все эти премудрости откуда?

Он криво ухмыльнулся.

– Шутишь! Я бесполезный дармоед! Я не умею охотиться! Я плохо бегаю и стреляю. Разве может быть полезен чел, который читает и не умеет тихо перерезать глотку...

Книжник стал возле стеллажей и задрал голову вверх. Обросший длинными белесыми нитями железный скелет высоких полок в свете факела производил жуткое впечатление. Отчетливо пахло пометом летучих мышей, какой-то гнилью, прелыми тряпками и сладковатым, едва ощутимым запахом тления.

– Будем смотреть здесь, – сообщил он.

– Что?

– Плот. Знаешь, что такое плот из бревен?

Белка фыркнула и сразу же из ее капюшона раздалось возмущенное пощелкивание Друга.

– Ну и отлично... А этот не из бревен, но тоже плот. Даже лучше.

– Книжник, да тут все сгнило!

– Здесь? – спросил он, сметая паутину с края полки. – Вряд ли. Да и плоты, вроде, были не резиновые – ни сгнить, ни пересохнуть не могли. Только швы проверим – и все.

Белка сморщила нос.

– Ну, положим, – процедила она, оценивающе разглядывая стеллажи. – Положим плот мы найдем. А что с лошадьми делать? Лошадей придется бросить?

– Не обязательно. Лошади плавают.

– Ага. Плавают. Мы будем не просто мишенью! Мы будем о-о-о-очень большой мишенью! Тим, да нас расстреляют с моста, чихнуть не успеем. Это не выход, это самоубийство!

– А другого варианта все равно нет, – ответил Книжник спокойно, но Белка видела, что он совсем-совсем не спокоен, просто старается показать ей свою крутизну. – Плот поможет нам переправиться на ту сторону без моста – это раз. Ночью нас будет плохо видно – это два, значит, стрелять будет трудно и у нас появится шанс. Ага! Ну-ка, помоги мне!

Они с трудом стащили с одной из нижних полок тяжеленную сумку. Сверху посыпался мусор, стеллажи качнулись, под потолком, зашуршало, заклекотало, Белка схватилась за автомат, в капюшоне встревоженно застрекотал Друг, но тут в густой тьме звездной россыпью блистали сотни приоткрывшихся глаз.

– Кожаны, – фыркнула девушка. – Тьфу! Гадость!

– А в-третьих... – сказал Книжник подрагивающим голосом, – мы подумаем над тем, чтобы у жителей Сити и наших друзей из Парка было другое занятие на момент переправы.

– Ты испугался? – спросила Белка.

– Ерунда... – ответил Книжник. – Мыши, хоть и с крыльями! Чего их бояться?

Он сел на корточки, вытер ладонью густой слой пыли, присыпавшей баул, прочел надпись мелкими буквами и удовлетворенно кивнул.

– Терпеть их не могу, – призналась Белка, стоя за его спиной. – Мерзость. И еще кусаются...

– Ну, если их не трогать... – сообщил Книжник, подбирая факел. – Судя по количеству дерьма на полу, их много и живут они тут много лет... Это мы у них в гостях.

– Не люблю мышей.

– Ну и ладно... – несмотря на полумрак, Белка рассмотрела, что он ухмыльнулся. – Я их тоже... гм, гм... недолюбливаю.

– Скажи уж честно, тоже боишься!

– Да ладно... – отмахнулся он. – Пусть боюсь, но не так сильно. Тут другое...

– Что – другое?

– Я тут подумал... Знаешь, а ведь ты моя первая ученица.

– Это в каком смысле?

– Я так никого и не научил читать, хотя давал слово.

– Кому давал?

– Своему учителю – Сухорукому. Может, помнишь его? Такой смешной, ходил кособоко и прихрамывал.

– Помню. Мы его все время дразнили.

– Его все дразнили. Он упал с лестницы еще кидом, что-то там сломал в спине, но выжил, только рука усохла. Мне было четыре зимы, ему четырнадцать, когда он уговорил меня учиться.

– Сомневаюсь, что тебя пришлось уговаривать...

– Зря сомневаешься. Я согласился не сразу. Хотелось есть, знаешь ли... Я все время хотел есть. А за чтение мясо не давали...

– И долго он тебя учил?

Тим покачал головой.

– Недолго. Я был хорошим учеником – три луны, и я уже сам мог научить кого-то буквам.

– И не нашел кого научить?

Он кивнул.

– Не нашел.
– Мне ты не предлагал.
– А ты бы согласилась?
– Нет. Не было смысла. За чтение мяса не давали...
– А сейчас? – спросил он, прищуриваясь.
Она задумалась на несколько секунд.
– Не знаю. Мне интересно, но... – она нахмурилась. – Это никому не нужно, Тим. Сколько бы мне не осталось, я уже не научусь пользоваться своим знанием.
– Открою тебе тайну, Белка – никогда не знаешь, что может пригодиться...
– Автомат всегда полезнее книги, – отрезала она.
– Не уверен, – улыбнулся Тим кривовато. – Например, автомат не поможет нам переправиться на тот берег. А я – помогу.
– Ты не книга.
– Ну, как сказать... Я много книг, Белка, много и сразу. Когда никто не хочет с тобой дружить, когда ты не способен охотиться и не получаешь удовольствия от того, чтобы убивать, остается много времени на чтение.
– Тут мне тебя не понять...
– Может, когда-нибудь поймешь, – сказал Книжник. – Так. И это берем! – Он осветил факелом еще одну сумку, такую же большую, как первая и ухватился за ляжки с одной стороны. – Лишних знаний не бывает, Белка. Иногда это лучше, чем автомат. Это даже лучше, чем целый отряд фермерской конницы. Надеюсь, я успею тебе это доказать...
Книжник даже закричал от натуги.
Огромная сумка тяжело упала на пол.
Он нагнулся, рассматривая что-то, лежащее в глубине стеллажа. Потом выпрямился, довольно ухмыляясь.
– Ну вот... Еще одно решение задачи, – сказал он удовлетворенно. – Если я, конечно, сумею его собрать... И это берем. Потом открываем вторые ворота.
– Что ты нашел? – спросила Белка, с интересом разглядывая находку – связку тонких металлических трубок и большой рюкзак.
– Настоящий ништяк, Белка! Тебе понравится!

* * *

После того как в сумерках один из охотников зацепил сторожок и прямо перед разведчиками в воздух взвились сигнальные ракеты, Бегун знал, что столкновения не избежать – смотрелцы уже определили место срабатывания ловушки и доложили жрецам о вторжении.

Двойной хлопок – и в воздухе расцвели два огненных шара, заливая всю округу ярким химическим светом.

От неожиданности отряд бросился врассыпную, а кто-то с перепугу даже выпалил в белый свет.

– Не стрелять! – крикнул Бегун. – Тихо!

Ракеты с шипением падали, оставляя в сиреновом небе дрожащие дымные следы. На улицу вновь спустился сумрак.

– Тварь криворукая!

Звук удара прозвучал глухо, кто-то застонал сквозь зубы – Облом явно приложился к неуклюжему плеча.

– Вот здесь мы и заночуем, – сказал Бегун, оглядываясь. – Да не трогай ты его, Облом! Покалечишь – на себе будешь тащить!

– Еще чего, – огрызнулся Облом. – Тут и закопаю!

Но жертву отпустил.

Место, выбранное Бегуном для ночлега, оказалось не хуже и не лучше любого другого. Короткая улица, заканчивающаяся бетонным завалом. Покосившиеся фасады домов, затянутые плющом, неровные дыры оконных проемов, из которых уже кое-где торчали ветки выросших внутри деревьев.

В принципе, для того, чтобы держать осаду, не годится, больно уж хлипко все выглядит, но Бегун не собирался держать осаду.

– Херовое место, – Свин шмыгнул носом и сплюнул в сторону. – Нас тут сразу найдут...

– А нам и надо, чтобы нас сразу нашли... – Бегун заглянул в дверной проем более-менее целого двухэтажного дома.

– Сейчас нашли? – спросил Свин.

Бегун вздохнул.

– Утром. Облом!

– Что?

– Пусть разведчики посмотрят вокруг. Могут быть еще растяжки...

– Уже. Будем убираться отсюда?

Бегун покачал головой.

– Будем ждать.

Резаный остановил рядом с ним коня, подобрал поводья и, чуть развернувшись в седле, с подозрением поглядел на нового союзника.

– Ты собрался делать здесь привал?

– Да.

– Я не оставлю здесь своих людей.

– И не надо. Отойди чуть назад, найди укрытие, только такое, чтобы эта улица простреливалась из твоих машин-ганов, и держи разведчиков рядом с нами. Пусть слушают в оба уха. Если я договорюсь – покажешься. Если не договорюсь...

Бегун ухмыльнулся.

– Если я не договорюсь – будет по-настоящему весело. О нас с тобой герлы будут слагать песни и петь их эбикам... Но мы этих песен не услышим. Такие дела, бро.

– Это утешает, – сказал Резаный без тени улыбки на изуродованном лице. – Отличный план. И песни я люблю... Но вот умирать в мои планы не входит. Я лучше подожду Беспощадного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.